

От редакции	2
Виктор Аксенов	
Новые находки коньковых подвесок в салтовских захоронениях на Харьковщине	3
Иштван Эрдели	
Волжские болгары и венгры	13
Константин Руденко	
К вопросу о взаимодействии волжских болгар с поволжскими и прикамскими финнами в XII-XIV вв. (по материалам селищ)	15
Леонид Кызласов	
Сохранятся ли малочисленные народы финно-угорской языковой семьи в XXI веке? (Заметки о языке)	30
Евгений Шумилов	
Восточные финны и мировые религии	35
Ксенофонт Сануков	
Финно-угорские народы России: проблемы историографии	38
Анатолий Куклин	
Тайны происхождения марийского слова <u>чодыра</u> 'лес; лесной (-ая, -ое)' (о чем могут поведать гипотезы ученых) .	65
<i>Критика и библиография</i>	
Петр Старостин	
Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск, 1997.	74
<i>Хроника</i>	
Нафиса Сабгиева	
Смотря народного творчества финнов Татарстана	77
Список сокращений	80
Сведения об авторах	81
Вниманию авторов	82

От редакции

Вышедший в 1997 году первый номер журнала “Finno-Ugrica” получил высокую оценку научной общественности не только России и СНГ, но и стран дальнего зарубежья: Венгрии, США. Материалы обобщающих статей читатели оценивают как заметный вклад в науку.

Очередной номер журнала открывает статья В.Аксенова, в которой анализируются погребальные комплексы салтовской культуры IX в. с коньковыми нагрудными подвесками. Эти характерные женские украшения — обереги уральских угров — свидетельствуют о миграции их носителей в восточные районы Украины. Возможно это было связано с известным движением мадьяр на запад.

Данную тему развивает и статья И.Эрдели. В ней говорится о широких древнеболгарских заимствованиях в венгерском языке, что свидетельствует об их длительных контактах. Прямое включение волжских болгар в состав населения Венгрии на Дунае отмечается и в X в.

Несомненный интерес представляет работа К.Руденко, посвященная анализу актуальной проблемы взаимодействия волжских болгар с поволжскими и пермскими финнами в XII-XIV вв. Она подготовлена на основе нового, хотя пока еще и не обширного археологического материала с болгарских селищ.

В небольшой, но насыщенной статье Л.Кызласова отмечается решающая роль письменности в сохранении культуры малочисленных финно-угорских народов, в частности, их языка. С этой работой перекликается заметка Е.Шумилова, в которой, по нашему мнению, излишне категорично, прогресс восточных финнов увязывается с деятельностью церкви. “Цивилизирующая” роль последней имеет неоднозначную оценку, так как она приводила, в числе прочего, и к нивелировке этнических особенностей и потере малыми народами важнейших элементов культуры, которые вырабатывались в течение многих столетий.

Серьезная разработка проблем историографии финно-угорских народов России представлена в объемной статье К.Санукова. В работе А.Куклина обстоятельному лингвистическому анализу подвергнуто марийское слово “чодыра” — лес, лесной.

В своей рецензии на книгу Т.И.Останиной “Население Среднего Предкамья в III-V вв.” П.Старостин отметил как положительные стороны этой серьезной монографии (на основе ее автор защитила докторскую диссертацию), так и имеющиеся недостатки.

В разделе “Хроника” Н.Сабгиева предоставила сведения о важной работе Республиканского научно-методического центра, проводимой совместно с другими правительственными и общественными организациями по возрождению культурного наследия финно-угорских народов Татарстана. Опыт такой работы несомненно будет полезен и для других областей и республик Волго-Уральского региона.

Е.Казаков

Виктор Аксенов

Новые находки коньковых подвесок в салтовских захоронениях на Харьковщине

Шумящие коньковые подвески в захоронениях салтовской культуры бассейна Северского Донца до настоящего времени в достаточно большом количестве были встречены только на Сухогомольшанском могильнике, для погребений которого характерен обряд кремации покойников.¹ Находки подобных подвесок в ингумационных погребениях этого региона единичны. Они происходят из катакомб Верхне-Салтовского могильника, исследованных в дореволюционное и послевоенное время, и остались, по существу, не введенными в научный оборот.² Исследования последних лет позволили выявить ряд новых ингумационных погребений, содержащих коньковые подвески, и тем самым расширили источниковедческую базу. Введению в научный оборот этих новых находок и посвящена данная статья.

При исследовании Верхне-Салтовского могильника экспедицией Харьковского исторического музея под руководством В.Г. Бородулина в 1984 г. в катакомбе №15 была обнаружена коньковая шумящая подвеска. Катакомба располагалась на северо-западном склоне Капиносского оврага. Она состояла из узкого дромоса длиной 6,3 м и трапециевидной в плане камеры, расположенной поперечно по отношению направления дромоса. Дромос начинался восемью ступеньками шириной 0,2 м и высотой 0,2-0,25 м. Размеры второй от начала ступеньки были другими — 0,3 x 0,35 м. От последней ступеньки дно дромоса наклонно спускалось к арковидному в плане входу в погребальную камеру. Его размеры: высота — 0,5 м, ширина — 0,45 м. Вход был плотно забутован глиной. Пол камеры находился на 0,1 м ниже дна дромоса у входа в нее, на глубине 3,85 от современной поверхности почвы. На полу зафиксированы остатки четырех костяков (рис. 1, 1). Погр. №1 и №2, которые принадлежали мужчине и женщине средних лет, располагались одно рядом с другим и занимали место вдоль торцевой стенки камеры. Оба костяка ориентированы черепами влево от входа. Погребение ребенка 6-7 лет — №3 — занимало южный угол камеры и представляло собой загромождение костей, которые были сюда преднамеренно сдвинуты, чтобы освободить место для следующего покойника. Погр. №4 занимало место возле самого входа. Костяк был уложен вдоль длинной оси камеры, как это имело место в погр. №1 и №2. Но костяк подростка женского пола в этом случае был ориентирован черепом вправо от входа. Такая ориентировка связана с тем, что слева от входа располагалось разрушенное погр. №3. Все обнаруженные в камере костяки носили следы преднамеренного нарушения анатомического порядка костей, что не связано с ограблением и носило чисто ритуальный характер. На это указывает тот факт, что при костяках осталось большое количество вещей (рис. 1), часть из которых была изготовлена из серебра. Возможно, из погребения мужчины №1 при проведении ритуальных действий было частично изъято оружие. На это указывают три железных наконеч-

ника стрел и шесть обломанных черешков от наконечников стрел, обнаруженных в дромосе возле самого входа в камеру. Еще один аналогичный наконечник стрелы вместе с бронзовым крючком от колчана, бронзовой петлей от налучья, железным ножом (рис. 1, 2-8) находился среди костей погр. №1.

Под черепом костяка погр. №2 лежали серебряные серьги, выше правого тазобедренного сустава — бусы в россыпи, бронзовые спиралевидные пронизи, бронзовая пуговица квадратной формы; на костях таза — треугольная рогатая пряжка, а в районе пояса — пять амулетов с соколиными головками, бронзовые литые бубенчики, колосовидный амулет, бронзовый разделитель на три ремешка; на костях предплечья правой руки — два бронзовых браслета (рис. 1, 9-26). Среди костей стоп ног были найдены серебряные бляшки, украшавшие ремешки обуви (рис. 1, 17). Рядом с костями стоп ног находилась кучка бараньих астрагалов — 46 шт., 12 из которых имели на своей поверхности процарапанные рисунки (рис. 2, 19-20).

Инвентарь погр. №3 состоял из пары серебряных серег, бронзового детского браслета, четырех бронзовых литых бубенчиков и бронзового зеркала, которое лежало в 20 см от входа лицевой поверхностью вниз (рис. 1, 34-36).

Находка коньковой подвески связана с погр. №4 — последним захоронением в камере. Она вместе с бронзовым амулетом в виде клыка животного (рис. 1, 27-28) лежала справа от костей таза. На костях таза был обнаружен фрагмент бронзовой туалетной коробочки в виде самоварчика (рис. 1, 33). Между костями таза и костями грудной клетки были расчищены семь бронзовых литых бубенчиков (рис. 1, 26). На костях запястья правой руки находились три бронзовых проволочных браслета (рис. 1, 32), на фалангах пальцев этой же руки были обнаружены два бронзовых щитковых перстня (рис. 1, 30). Под черепом лежали пара позолоченных серег с неподвижной каплевидной подвеской (рис. 1, 31) и два крестика из свинцовистой бронзы (рис. 1, 27). Количество крестиков и место их обнаружения — под черепом рядом с серьгами — однозначно указывает, что они использовались в данном случае в качестве своеобразных украшений — амулетов, а не в качестве элементов христианского культа. Это подтверждается и их оформлением. Среднекрестье обоих крестиков оформлено в виде ромба, поле которого покрыто несколькими перпендикулярно расположенными линиями, образующими так называемый шашечный орнамент. Ромб с шашечным полем специалистами трактуется как символ вспаханной, подготовленной к посеву земли.³ Сами крестики, благодаря оформлению концов в виде трехлепестковых цветков на стебле, повторяют начертание известного раннеземледельческого культового символа — так называемого “ромба с крючками”.⁴ Последний у многих народов был символом божества земли, дающего жизнь всему живому.⁵ Все выше сказанное не позволяет считать обнаруженные крестики свидетельством христианизации местного аланского населения. К тому же специалистами отмечается слабая христианизация алан Северного Кавказа даже в XI в.,⁶ хотя аланы Кавказа познакомились с христианством еще в IV-VI вв. В достоверно христианских погребениях алан XII-XIV вв. нательные крестики не обнаружены совсем,⁷ а в катакомбных захоронениях Змейского могильника

XI-XII вв. единичные находки крестиков связываются с влиянием Киевской Руси.⁸⁻¹⁰

Коньковая подвеска из погр. №4 кат. №15 типологически относится к типу двуконьковых подвесок с сильно вытянутой петлей, прямоугольной или трапециевидной прорезью и шестью отверстиями для привесок. Она соответствует первому типу второго варианта коньковых подвесок классификации Д.А. Голубевой¹¹ и является полной аналогией коньковым подвескам из Сухогомольшанского могильника.

Еще одна коньковая подвеска была обнаружена в погр. №29 биритуального могильника Красная Горка, который в 1984-1992 гг. исследовался Средневековой археологической экспедицией Харьковского госуниверситета под руководством В.К. Михеева. Погр. №29 было произведено в гробу-ящике, установленном в прямоугольной в плане грунтовой яме. Гроб-ящик с крышкой по существу являлся обкладкой стенок могильной ямы у ее дна. Дном гроба являлся слой древесной коры. Погребение носило следы преднамеренного нарушения анатомического порядка костей скелета: череп отсутствовал, остальные кости скелета были перемешаны (рис.2, 1). Погребальный инвентарь захоронения был представлен сердоликовыми и стеклянными бусами, рассеянными по всей площади могилы, пятью бронзовыми щитковыми перстнями, бронзовыми литыми бубенчиками, бронзовыми спиралевидными пронизями, бронзовой копоушкой и одноручной салтовской кружкой (рис.2, 3-15). Коньковая подвеска (рис.2, 2) с хорошо прослеживающейся под ней деревянной основой лежала на костях таза.

Коньковая подвеска из погр. №29 могильника Красная Горка относится к тому же типу, что и подвеска из катакомбы №15 Верхне-Салтовского могильника, но она имеет более тонкие и изящные конские шеи, отсутствует рельефная рамка вокруг трапециевидной прорези. Во всем остальном они похожи даже в том, что в выше названных захоронениях было найдено по одной подвеске, тогда как в большинстве погребений Сухогомольшанского могильника они были представлены парами. Это указывает на этнографические различия в ношении одних и тех же украшений-амулетов у салтовского населения, придерживавшегося обряда сожжения своих покойников и использовавшего обряд ингумации, т.е. у алан и болгар. Наборные коньковые подвески в катакомбах I, III Маяцкого селища были представлены также не парами, а единичными экземплярами.¹²

Для выяснения времени существования погребений с коньковыми подвесками из Верхне-Салтовского и Красногорского могильников большое значение имеет хронология салтовских древностей, разработанная С.А. Плетневой,¹³ а также хронология могильников Крыма VIII — начала X вв., разработанная А.И. Айбабиным, где присутствует достаточно большое количество нумизматического материала с относительно небольшим временем запаздывания и хорошо датированные византийские вещи.¹⁴ Все серьги, обнаруженные в катакомбе №15, принадлежат к одному типу: литых с неподвижной стерженьковой подвеской с шишечкой на конце (рис.1, 7, 14, 31). Подобные серьги Н.Я.Мерперт и С.А.Плетнева датируют концом VIII — началом IX вв.¹⁵⁻¹⁶ Найденный в погребении №2 ременной разделитель (рис.1, 15) в материалах Крыма встречен в захороне-

ниях второй и третьей хронологических групп, выделенных А.И. Айбабиным и датированных второй половиной VIII — первой половиной IX вв.¹⁷ Подвески-амулеты относятся к трем типам. Тип I — бронзовая колесообразная подвеска со спицами, оформленными в виде треугольных спиралей (рис. 1, 11). Тип II — круглые подвески с так называемыми соколиными головками (рис. 1, 10). К типу III (тип 5 по С.А. Плетневой) относится бронзовая подвеска в виде клыка животного (рис. 1, 29). Подвески-амулеты второго типа датируются второй половиной VIII — началом IX вв., при этом более поздние подвески отличаются худшим исполнением; подвески-амулеты I и III типов больше характерны для середины IX в. Поясная треугольная рогатая пряжка — довольно частая находка в древностях Северного Кавказа начиная с VII века. В материалах лесостепного варианта салтовской культуры она датируется второй половиной VIII — началом IX вв. Железные наконечники стрел известны у многих народов Восточной Европы: время их бытования — VIII — IX вв., и к X веку они уже исчезают.¹⁸⁻¹⁹ Бронзовая подвеска-пуговица в виде усеченной пирамиды (рис. 1, 13) встречается в материалах лесостепного варианта салтовской культуры конца IX — начала X вв., тогда как по материалам Крыма подобные подвески известны только в комплексах второй половины VIII века. Такой разнобой в датировках может быть объяснен все еще недостаточной разработанностью внутренней хронологии салтовских древностей в целом. Бронзовое зеркало с орнаментом из концентрических кругов и зигзагов в поле между ними находит широкие аналогии в салтовских древностях середины IX — начала X вв., хотя зеркала с подобным орнаментом встречаются в катакомбных захоронениях Северного Кавказа начиная с V века.²⁰ Оба перстня из катакомбы №15 (рис. 1, 30) относятся к одному типу — с овальным цельнолитым щитком, датируются они второй половиной IX — первой половиной X вв. Бронзовая туалетная коробочка в виде самоварчика (рис. 1, 33) по материалам средневекового Крыма датируется IX веком, С.А. Плетнева считает их характерными для салтовских комплексов середины IX в.²¹⁻²² Оформление серебряных украшений обувных ремней (рис. 1, 17) характерно для орнамента малых форм с уже наметившейся тенденцией к использованию геометрических композиций, что, по мнению Н.А. Фонаковой, типично для II этапа развития растительного орнамента с лотосом на салтовских металлических изделиях.²³ Это позволяет датировать эти вещи временем не ранее середины IX в. Остальной инвентарь катакомбы №15 датировать более узкими рамками, чем рамки существования салтовской культуры, — второй половиной VIII — первой половиной X вв. — не представляется возможным.

Все погребения в катакомбе №15 Верхне-Салтовского могильника были совершены в непродолжительный, по археологическим меркам, промежуток времени. Временная близость совершенных в катакомбе захоронений подтверждается однотипностью вещей одной категории: серег, браслетов, бубенчиков — при разных костяках. Принимая во внимание среднюю продолжительность жизни людей в раннем средневековье, поло-возрастной состав покойников из катакомбы №15, а также тот факт, что каждая катакомба априори была семейной усыпальницей, время эксплуатации данной камеры не могло превышать 10-20 лет. Датировка инвентаря показала, что большинство вещей из погр. №1

и №2 относится ко второй половине VIII — первой половине IX вв., тогда как инвентарь погр. №3 и №4 более характерен для середины — второй половины IX в. Связующим для погребений является орнамент серебряных ремennых украшений и оковки ножен ножа, относящийся ко времени не ранее середины IX в. Это позволяет датировать катакомбу в целом второй половиной IX в., при этом захоронения мужчины и женщины №1 и №2 были произведены по времени ближе к середине IX в. Таким образом, обнаруженную в катакомбе коньковую подвеску следует отнести ко второй половине IX в.

Сравнивая инвентарь катакомбы №15 и погр. №29 могильника Красная Горка, нельзя не заметить его сходства. Для обоих захоронений характерно наличие перстней одного типа (рис.1, 30; рис.2, 4-8) и типологическая близость бусинного материала (табл.1). Оба захоронения показывают преобладание сердоликовых бус и стеклянных бус шаровидно-уплощенной формы синего цвета, при относительно незначительном количестве многосекционных бус с металлической прокладкой, тогда как глазчатые, полосатые и мозаичные бусы в погр. №29 отсутствуют полностью, а в катакомбе №15 представлены единичными экземплярами — и то, в основном, подвесками. Да и трудно было бы ожидать полной идентичности бусинного материала в захоронениях, принадлежащих людям разных этнических групп, хотя весь инвентарь указывает на хронологическую близость обоих захоронений. Наличие же в погр. №29 двух перстней, литой щиток которых имитирует щиток перстня со вставкой из стекла, закрепленной четырьмя лапками (рис.2, 7-8), дает возможность предположить, что данное погребение относительно старше захоронения с коньковой подвеской катакомбы №15. Перстни со вставкой, закрепленной крестообразно расположенными “лапками”, датируются второй половиной VIII — первой половиной IX вв. Вероятно, к этому периоду относится и возникновение литых подражаний им. Найденная в погр. №29 коромыслообразная копоушка с выделенной округлой петлей на середине длины (рис.2, 3) датируется тем же временем — второй половиной VIII — первой половиной IX вв. Поэтому коньковую подвеску из погр. №29, как и само захоронение, следует датировать рамками первой половины — серединой IX в.

Трактовка конских головок, отсутствие рельефной рамки вокруг прорези на коньковой подвеске из погр. №29 сближает ее с изображениями верхней части антропо-зооморфных фибул второй половины VII в. с территории распространения пеньковской культуры.²⁴ Схожесть трактовки изображений головок коней на прикамских шумящих подвесках и зооморфных фибулах Среднего Поднепровья, а также на круглых подвесках-амулетах аланских могильников Северного Кавказа и Верхнего-Салтова уже отмечалась исследователями.²⁵ Выказывалось даже предположение, что прототипами коньковых шумящих подвесок Прикамья были именно антропо-зооморфные фибулы конца VI-VII вв., распространенные на обширной территории южнорусской лесостепи от Среднего Днепра до нижнего течения Оки.²⁶ В настоящее время датировка антропо-зооморфных фибул была уточнена. Они признаны атрибутом женского убора конца VII — первой половины VIII вв., известного по второй группе кладов “древ-

ностей антов”. Появление кладов второй группы связывается с экспансией Хазарского каганата в лесостепные области Днепровского Левобережья в первой половине VIII в.²⁸⁻³⁰ Этот период характеризуется разнообразием контактов пришельцев-завоевателей с местным лесостепным населением. Проявлением таких контактов считают обнаруженную в левой части грудной клетки женского костяка из катакомбы №21 Старо-Салтовского катакомбного могильника антропо-зооморфную фибулу.³⁷ Местное лесостепное население носило подобные украшения парами. Погребальный инвентарь катакомбы №21 Старосалтовского могильника³²⁻³³ показал, что последнее захоронение в камере, с которым связана находка фибулы, было произведено во второй половине VIII в. — не позднее рубежа VIII-IX вв.

Таким образом, ингумационные захоронения лесостепного варианта салтовской культуры второй половины VIII — середины IX вв. содержат нехарактерные для собственно аланских и болгарских древностей вещи с изображениями двух конских голов, развернутых в разные стороны, которые были получены в результате контактов с лесостепным славянским и лесным финно-угорским населением. Чужие украшения использовались, ибо, несмотря на непривычную манеру исполнения, содержали изображения близких и понятных мифологических образов. Изображения повернутых в противоположные стороны коней или только их голов у многих народов помещались на вещах, принадлежащих женщинам, так как были связаны с культом богини плодородия, матери всего живого. Размещение их на поясе и груди женщины было призвано защитить от воздействия злых сил грудь и лоно женщины-матери. Именно в этих местах и были обнаружены коньковые подвески и антропо-зооморфная фибула в вышеописанных захоронениях.

Большое количество шумящих коньковых подвесок прикамских типов в салтовских захоронениях (Сухая Гомольша, Верхний Салтов, Маяки, Красная Горка) при пока единичной находке антропо-зооморфной фибулы, связываемой со славянским этносом, объясняется не только временем, но и интенсивностью контактов салтовцев со славянским и финно-угорским населением. Покорение славянских племен Днепровского Левобережья салтовцами было непродолжительным и закончилось при первых признаках ослабления власти Хазарского каганата летописной выплатой “дани мечами”. Финно-угорский этнический элемент, наоборот, длительное время находился в тесном контакте с тюркским этносом через него оказался включенным в число этносов принявших участие в формировании салтовской культуры.³⁴ В этом случае коньковые подвески выступали в виде обычных предметов импорта, которые приобретались не только представителями угорского этноса, но и представителями других этнических групп, входивших в состав населения Хазарского каганата. Новые находки подвесок в Верхне-Салтовском катакомбном и биритуальном Красногорском могильниках еще раз подтвердили это.

Таблица 1

Типология бус* из захоронений с коньковыми подвесками

отделы	одноцветные стекл.				с металл. прокладкой	каменные			глазчатые	полосатые
	тип 3	тип 4	тип 5,6	тип 15		тип 22	тип 55	тип 59		
							мел	сердолик		
Верхний Салтов кат. №15		2	29		7	2	17		1	1
Красная Горка	1		149	32	29					

* За основу взята типология бус, разработанная С.А. Плетневой.

Примечания:

¹ Михеев В.К. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша // СА. — 1982. — №2.

² Михеев В.К. Коньковые подвески... — С.163.

³ Амброз А.К. Раннеземледельческий культовый символ “ромб с крючками” // СА. — 1965. — №2 — С.22.

⁴ Амброз А.К. Раннеземледельческий культовый символ... — С.16, рис.1, 57-64.

⁵ Голан А. Миф и символ. — М., 1993 — С.107.

⁶ Куссаева С.С. Аланский катакомбный могильник XI-XII вв. у станции Змейской по раскопкам 1957 г. // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. — Орджоникидзе, 1961. — Т.1 — С.59.

⁷ Милорадович О.В. Христианский могильник на городище Верхний Джулат // МИА. — 1963. — №114 — С.106.

⁸ Кузнецов В.А. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа // СА. — 1959. №2 — С.109.

⁹ Кузнецов В.А. Змейский катакомбный могильник по раскопкам 1957 г. // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. — Орджоникидзе, 1961. — Т.1 — С.134.

¹⁰ Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. — 1962. — №106. — С.40.

¹¹ Голубева С.А. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // СА. — 1966. №3 — С.86-87.

¹² Винников А.З., Афанасьев Г.Е. Культовые комплексы Маяцкого селища. — Воронеж, 1991 — С.17, рис.7,10; С.22, рис.9,2.

¹³ Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР. — М., 1981 — С.150-151, рис.37.

¹⁴ Айбабин А.И. Могильники VIII- начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. — Т. III.

¹⁵ Мерперт Н.Я. О генезисе салтовской культуры // КСИИМК. — 1951. — №36 — С.19-20.

¹⁶ Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура... — С.150, рис.37,3.

¹⁷ Айбабин А.И. Могильники... — С.124, 126.

¹⁸ Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие VIII- XIV вв. Лук и стрелы, самострел // САИ. — 1966. — Е.1-36 — С.59.

¹⁹ Крыганов А.В. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры по материалам могильников с обрядом трупосожжения // Проблемы археологии Поднепровья. — Днепропетровск, 1989 — С.98.

²⁰ Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. — М., 1989 — С.96.

²¹ Айбабин А.И. Могильники... — С.124, 126.

²² Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура... — С.151, рис.37,45.

²³ Фоякова Н.А. Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII — IX вв. // СА. — 1986. — №3 -С.43-45.

- ²⁴ *Амброз А.К.* К происхождению днепровских антропо-зооморфных фибул // РА. — 1993. — №2 — С.182, рис.3, 20-26.
- ²⁵ *Голубева Л.А.* Коньковые подвески... — С.89,90.
- ²⁶ *Розенфельдт Р.Л.* О происхождении двуконьковых шумящих подвесок Прикамья // СА. — 1972. — №3 — С.354.
- ²⁷ *Щеглова О.А.* Проблемы формирования славянской культуры VIII-X вв. в Среднем Поднепровье. Памятники конца VII- первой половины VIII вв. — Автореф. дис. ... канд. ист. наук, 1987 — С.6,7.
- ²⁸ *Корзухина Г.Ф.* К истории Среднего Поднепровья в середине 1 тыс. н.э. // СА. — 1955. — Т.22 — С.79.
- ²⁹ *Щеглова О.А.* О двух группах “древностей антов” в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. — Курск, 1990.
- ³⁰ *Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурноисторический контекст // Раннеславянский мир. — М., 1996. — Вып.3 — С.136, 148.
- ³¹ *Любичев М.В.* Контакты славян Днепро-Донецкого междуречья и населения Северо-Западной Хазарии в конце VII- начале VIII вв. // Древности 1994. — Харьков, 1994.
- ³² *Бородулин В.Г.* Отчет об исследованиях экспедиции Харьковского исторического музея на Верхне-Салтовском катакомбном могильнике в 1984 г. // Архив ХИМ.
- ³³ *Аксенов В.С., Бородулин В.Г., Михеев В.К.* Старо-Салтовский катакомбный могильник салтовской культуры. В печати.
- ³⁴ *Артамонов М.И.* История хазар. — Л., 1961.

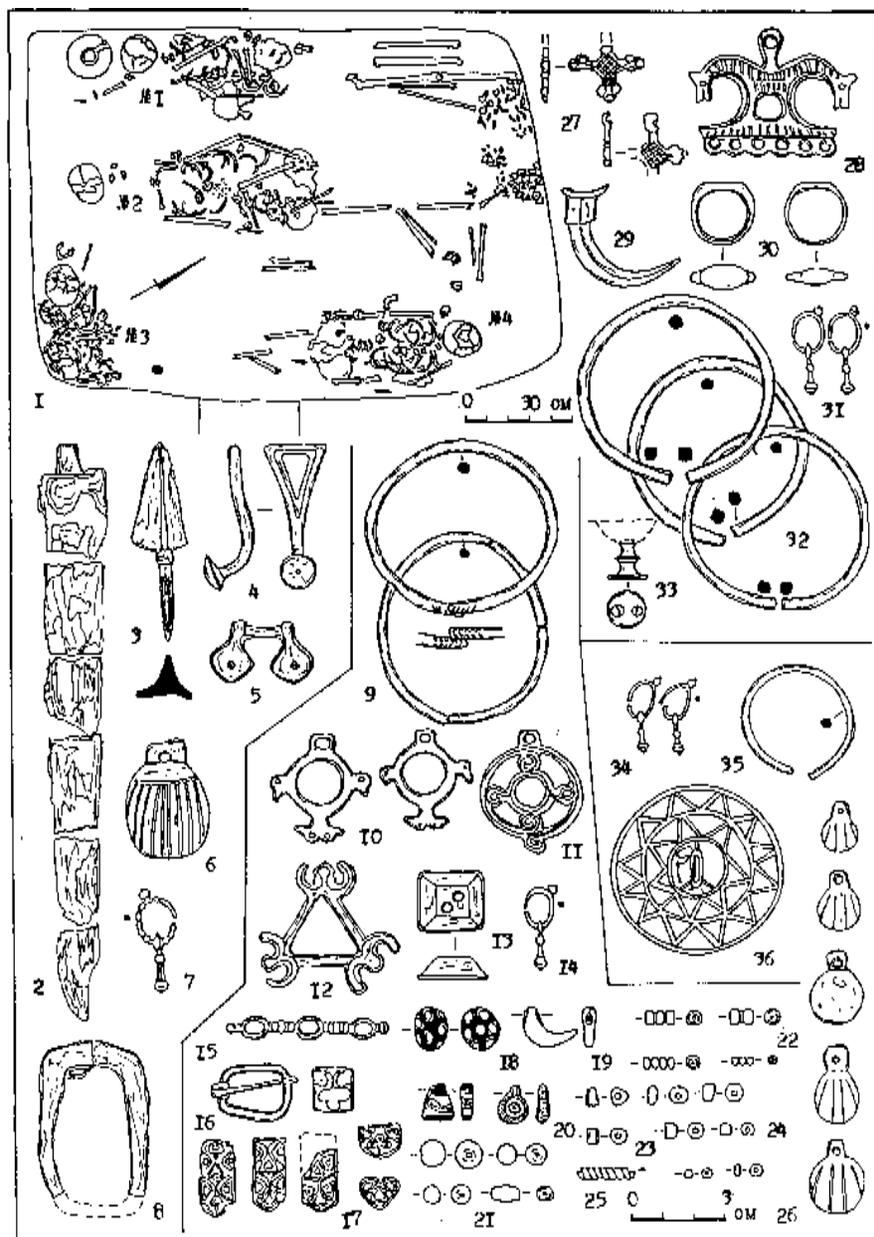

Рис.1. Катакомба №15 Верхне-Салтовского могильника:

1 — план камеры; 2-8 — инвентарь погр. №1; 9-26 — инвентарь погр. №2; 27-33 — инвентарь погр. №4; 34-36 — инвентарь погр. №3. 2, 3, 8 — железо; 18-24 — стекло; 7, 14, 17, 34, 91 — серебро; 4-6, 9-13, 15, 16, 25, 30, 32-36 — бронза.

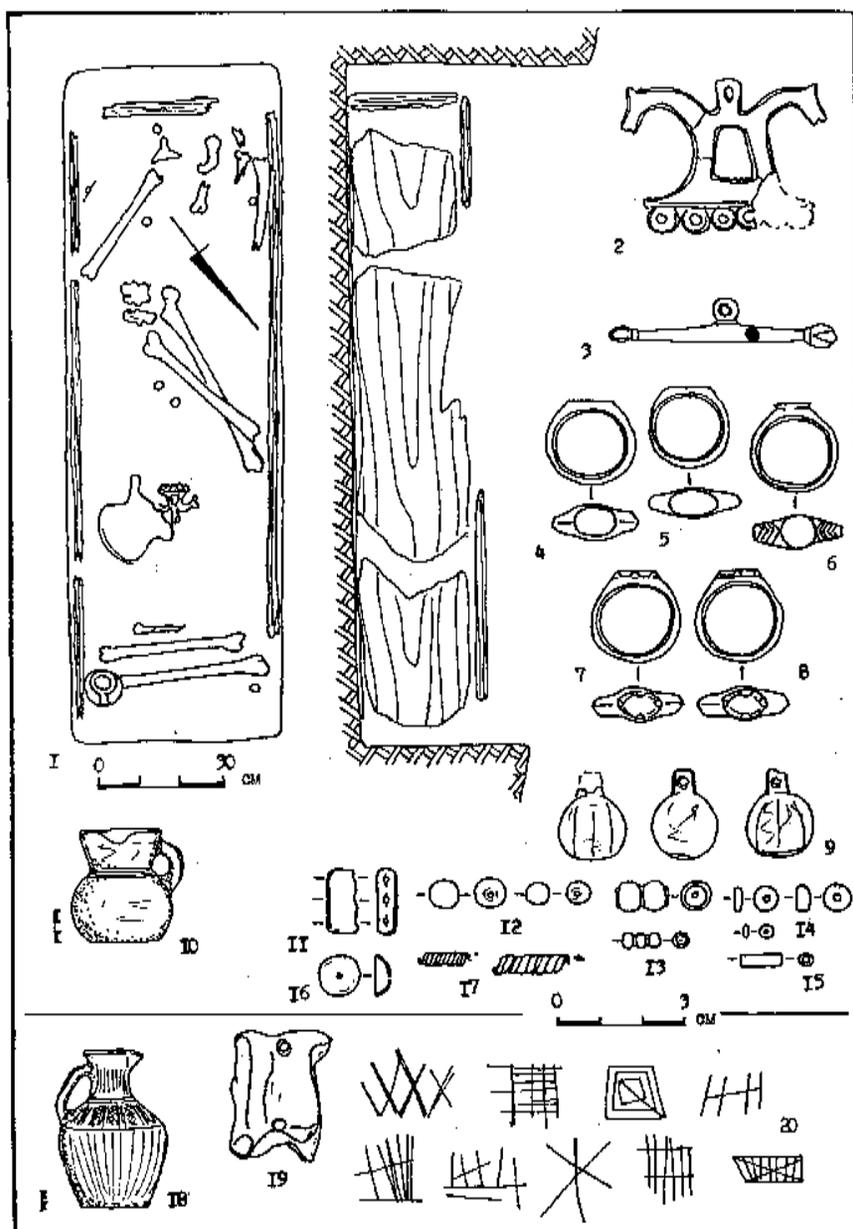

Рис. 2. Погребение №29 могильника Красная Горка и инвентарь катакомбы №15 Верхне-Салтовского могильника: 1 — план погр. №29; 2-7 — инвентарь погр. №29; 18-29 — инвентарь катакомбы №15; 20 — знаки на астрагалах из катакомбы №15; 10, 18 — глина; 19 — кость; 2-9, 16, 17 — бронза; 12 — сердолик; 11, 13-15 — стекло.

Иштван Эрдели Волжские болгары и венгры

Данной проблематике посвящена обширная литература, и прежде всего, венгерская. Исследования отчасти затрагивают древние венгерско-волжско-болгарские взаимоотношения на основании отчета и письма монаха-доминиканца Юлиана¹ и археологических источников, а также данные из труда “Деяния” Венгерского Анонима, которые повествуют о прибытии болгарских лиц в город Пешт в середине X в. н.э. В нашем кратком обзоре мы будем придерживаться этих двух, якобы друг с другом не связанных, источников.

Вслед за братом-доминиканцем Отто, маршрут которого нам конкретно неизвестен, Юлиан и его спутники, как известно, с Таманского полуострова сначала держали путь вдоль реки Кубани, а затем вдвоем с Герхардом круто повернули к Волге. Следуя вдоль реки через землю буртасов, они сначала шли вместе, однако, после смерти Герхарда Юлиан, оставшись один, присоединился к каравану некоего мусульманина и прибыл в большой болгарский город, название которого он не сообщает. Там он встретился с венгеркой, которая была замужем за болгаринном. Она сообщила ему о тех венграх, которые находились отсюда на расстоянии двухдневного пути. Юлиан отправился туда, нашел их и после кратковременного пребывания тронулся в обратный путь в Венгрию, куда он прибыл в конце 1236 г. Все это стало известно из отчета, записанного монахом Рихардом в Ватикане (рукопись отчета найдена в 1695 году венгерским иезуитом Мартоном Челешом²). Вплоть до 1953 года отчет рассматривался некоторыми историками негативно³, но в настоящее время он общепризнан и считается достоверным источником.⁴

Нашел ли монах Юлиан венгров, оставшихся на территории прародины, или они потомки группы венгров в составе древних болгар-переселенцев VIII века — такова постановка вопроса в настоящее время при обсуждении локализации места встречи Юлиана с венграми на территории Волжской Болгарии и при интерпретации факта, указывающего на существование венгерской этнической группы в упомянутой области. В последние годы в Венгрии большинство исследователей склонны рассматривать это следующим образом: “венгры Юлиана” являются частью, отколовшейся от главной массы венгров во время перед начавшимся переселением последних в западном направлении.⁵ Существует предположение, что перед тем, как начать свое передвижение, древние венгры находились на территории Великой Болгарии, севернее Кубани, где-то около устья Дона. Венгерские языковеды уже давно обнаружили ряд заимствований из древнеболгарского языка⁶, большинство которых до сих пор не отрицается.⁷ Однако, существует такое мнение, что часть этих заимствований является результатом общения с потомками тех болгар, которые переселились с Востока в Аварский каганат в конце VII в. н.э.⁸ и слились с мадьярами, пришедшими в Карпато-Дунайский бассейн в самом конце IX в. н.э. (следует заметить, что уже в 1964 году в научную литературу попала гипотеза, принадлежащая профессору Д.Ласло, о том, что переселенцы конца VII в. н.э. являлись венграми.⁹)

Пока языковедение не в силах дать абсолютно точный ответ о времени и об источнике указанных древнеболгарских заимствований в венгерском языке. Так или иначе они существуют и в значительном количестве (около 250 слов). Что касается их характера, то они свидетельствуют о том, что передавший их народ занимался плужным земледелием, более того, даже виноградарством и т.д.¹⁰ Однако, болгары появились среди венгров, уже обитавших в долинах рек Дуная и Тисы, в середине X века, во время правления Таксона. Об этом сообщает упомянутый уже нами Венгерский Аноним в источнике рубежа XII-XIII вв., называя их вождей и говоря о том, что группа болгар получила землю и у Дуная, у града Пешт (гл.57.). В связи с этим в начале 40-х годов XX века была выдвинута гипотеза, что их центром являлось древнеримское укрепление Контра-Аквинкум, находившееся на левом берегу Дуная, поврежденные стены которого ими якобы были частично отремонтированы, вернее, перестроены.¹¹

О появлении волжских болгар в Венгрии в X веке могут свидетельствовать топонимы с корнем “Полгар” в Потисье (напр. Тисаполгар). Вероятно, переселенцы из Волжской Болгарии, будучи малочисленны, растворялись среди населения Венгрии. Во главе их стояли братья Билла и Бакш¹², с ними прибыла значительная группа измайлитян, в руках которых и в XIII веке находился еще град Пешт.

Их уже в начале XX века историки отождествляли с болгарами, исповедующими ислам. По всей вероятности, память о них сохранилась и в топониме “Бояр”.¹³

Примечания:

¹ Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и Восточной Европе. Исторический Архив, III. М.-Л. 1940. — С.71-112.

² Vásáry J. A jezsuita Cseles Márton és a Julíanus-jelentés. Középkori kútfőink kritikus kérdései. — Вр. 1974. — С. 261-275.

³ Например Д.Сайнором: *Sinor D. Un voyageur du trézième siècle: le Dominicain Julien de Hongrie.* BSOAS 1952. 14/2. 589-602.

⁴ *Vékony G. Adatok Julíanus utazásainak topográfiajához. Századok* — Вр. 1977. 6. — С.1175-1191.

⁵ *Róna-Tas A. A honfoglaló magyar nép.* — Вр. 1996.

⁶ *Gombocz Z. Die bulgarisch-türkische Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 30* — Helsinki, 1912.

⁷ *Ligeti L. A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpádkorban* — Вр. 1986.

⁸ *Róna-Tas A. The character of the Hungarian-Bulgaro-Turkic relations. Studia Turcologica, 5.* — Вр. 1981. — С. 119-128.

⁹ То, что среди них были протоболгары, установлено академиком Г. Надьом, см. в *H.Marczali (Red.). A Magyar Nemzet Története.* — Вр. 1895. — С. CCCLII.

¹⁰ *Legeti L. op.cit.*

¹¹ *Nagy L. Az Eskü-téri erőd, Pest város őse.* — Вр. 1946.

¹² *Györffy Gy. A magyarok elődeiről és a honfoglalásról.* — Вр. 1958 — С. 219.

¹³ *Mesterházy K. Izmaeliták, böszörmények, volgai bolgárok. A Hajdúsági Múzeum Évkönyve — Hajdúbosszörmény, 1973 — С.37-47; Fessler J.H Die Geschichten der Ungern und ihrer Landsassen. Bd.I. — Leipzig, 1815 — С.325.*

Györffy Gy. Tanulmányok a magyar állam eredetéről — Вр.1959 — С.61.

Константин Руденко

**К вопросу о взаимодействии болгар
с поволжскими и прикамскими финнами в XII — XIV вв.
(по материалам селищ)**

Вопросы этнических и культурных контактов болгар с финнами, уграми, тюрками и славянами давно привлекали внимание ученых. Работы последних лет характеризуются комплексным подходом к рассмотрению многих аспектов этой проблемы. Большую роль в этом играют археологические данные. Тем более, что в последние годы стал входить в научный оборот новый материал, в том числе и с тех археологических памятников, исследование которых в предшествующее время велось очень в небольших объемах. Речь идет о болгарских негородских поселениях. Именно они стали ключевыми для создания, как хронологических так и типологических схем болгарских древностей.

К сожалению, исследование этих памятников до сих пор находится только в начальной стадии. Так раскопками изучено менее десятка селищ, а полностью раскопано только одно. Актуальность этих исследований важна и в том отношении, что значительная часть селищ — это остатки древних сел и деревень, где проживала большая часть населения Булгарского государства, и только исследование этих памятников дает возможность детально судить об этно-культурных процессах на данной территории. Однако, археологическое понятие “селище” не всегда является прямым синонимом исторического понятия “село”. В археологии принято считать, что селища это открытые, неукрепленные поселения¹. Однако, это чисто археологическое понятие включает в себя объекты разного типа, как с археологической, так и с исторической точки зрения. Исходя из положения памятника на местности, его отношения к близлежащему городищу можно условно определить, что те из них, которые стоят от городищ (не примыкая к ним) на расстоянии не менее 1 км., являются остатками сел² (без разделения на деревни, погосты, слободы и т.п.).

Вместе с тем, к селищам нужно отнести и те поселения, которые предшествовали некоторым городищам (например, селища у Малого Иерусалимского оврага на Болгарском городище³), выявить которые зачастую можно только стратегически. А так же те поселения, которые возникли на месте запустевших городищ (III Билярское селище), хотя здесь есть определенные особенности.

Археологическим признаком селищ — остатков древних сел, является, прежде всего, отсутствие укреплений, а так же наличие, как правило, одного слоя культурных отложений; неравномерность его распространения на памятнике; незначительная концентрация жилых и хозяйственных сооружений. Прослеживается четкая специфика находок, в зависимости от части исследуемого участка села (дом, задворки усадьбы, двор и т.д.). Сформировались эти черты вследствие неплотной застройки территории поселения не ограниченной искусственными границами и экстенсивного освоения близлежащих участков земли. На этих памятниках нет следов многопрофильного ремесленного производства,

а так же специализированного профессионального ремесла⁴. Последние признаки являются важными в том случае, если селище имеет естественные границы, препятствующие экстенсивному расширению территории. Примером такого памятника может быть Кожавское IV селище⁵.

Публикации результатов исследований сельских поселений Е.П. Казаковым, Р.Г. Фахрутдиновым, И.Н. Васильевой, Г.И. Матвеевой, М.М. Кавеевым, К.А. Руденко и другими дают большой материал для изучения этнокультурных процессов в регионе. Не останавливаясь подробно на анализе появившихся в последние годы работ на эту тему (что требует отдельного исследования), отметим только некоторые, наиболее полные из них, давшие важный материал по данной проблеме. Так, для домонгольского периода мы имеем опубликованные данные по селищам на территории Татарстана из исследований Е.П. Казакова и М.М. Кавеева⁶. Памятников золотоордынского времени изучено несравненно меньше, из них наиболее полно — селище Песчаный остров⁷.

Необходимо сказать несколько слов о характере этих объектов. Все памятники являются однослойными, с культурными отложениями разной мощности и степени насыщенности находками. Черноземные почвы затрудняют стратиграфическое членение культурного слоя, что важно на памятниках с длительным периодом существования.

Несколько отличается селище Песчаный остров. Расположенное на песчаном останце, оно имеет один слой, четко делящийся на горизонты. Основные отложения на поселении относятся к концу XIII — первой трети XIV в. После запустения, на его месте, во второй половине XIV в., функционировал могильник. Ранние отложения на селище датируются эпохой бронзы и, может быть, эпохой раннего железа. Алексеевская мезолитическая стоянка, как это предполагал К.Э. Истомин⁸, на этом месте не существовала, а рассмотренный им кремневый комплекс соотносится со стратиграфическими отложениями эпохи бронзы⁹. Эти памятники являются базовыми для исследования болгарских древностей, поскольку материал на них представлен в довольно узких хронологических рамках..

Как показали исследования Е.П. Казакова, материалы болгарских памятников, в том числе и сельских, дают яркое представление об этнических и культурных контактах населения Волжской Булгарии с соседями¹⁰. Вместе с тем некоторые аспекты проблемы могут быть несколько уточнены.

Для этого нами привлечены данные с 73 памятников низовий реки Камы, преимущественно селищ; с более чем 60 поселений в Закамье, в том числе городищ, материалы которых были опубликованы; с 25 селищ в Предкамье, а также многочисленные закрытые комплексы из финских могильников и поселений в Поволжье и Прикамье. В основе исследования лежали наблюдения, сделанные на материале базовых памятников, расположенных в низовьях реки Кама¹¹ а также Биллярского и Булгарского городищ (рис. 1 — рис. 7).

Не останавливаясь подробно на проблеме в целом, всесторонне проанализированной Е.П. Казаковым¹², отметим, что на протяжении XI — первой половины XIII вв. на территории Волжской Булгарии в материальной культуре про-

слеживается своеобразный симбиоз финских (финно-славянских) и тюркских черт. Изготавливавшиеся булгарами бронзовые украшения, широко использовавшиеся поволжскими финнами в конце X—XI вв., пользовались такой же популярностью и у жителей болгарских поселений (рис. 1, 11-15, 43—44). Детали украшений обуви (рис. 5, 2, 4), одежды (рис. 5, 10), головного убора (рис. 5, 5, 29), декоративные элементы костюма, в частности поясные (рис. 5, 1, 6-8, П), нагрудные привески (рис. 5, 3), составные шейные украшения (рис. 5, 17), найденные на болгарских селищах и городищах, убедительно свидетельствуют о распространении не только “моды” на эти вещи, но и присутствии здесь носителей этих традиций, что подтверждают и находки специфичных этнических украшений (рис. 5, 5, 29). Об этом же говорят и своеобразные предметы — обереги, имевшие “магические” функции, встречающиеся в болгарских древностях. Это, в частности, миниатюрные ложечки (рис. 5, 26, 27), носившиеся в комплекте с шумящими украшениями, а также разнообразие привески (рис. 5, 3, 8, 14, 15). Вряд ли поделки такого назначения могли изготавливаться специально для продажи. В целом, выделяются устойчивые комплексы украшений, встречающиеся на болгарских селищах, связанные с северными районами России (корела, пермь вычегодская), Костромским и Марийским Поволжьем и с Северо-Восточной Русью¹³. Анализ таких находок позволяет предположить, что часть болгарского населения придерживалась языческих воззрений, уходящий своими корнями в финскую среду¹⁴.

С середины XI в. на болгарских памятниках широкое распространение получают предметы аскизского (древнехакасского) происхождения, попавшие сюда, скорее всего, в результате торговых операций. Наиболее ярко это проявляется в железных украшениях конской сбруи и бытовых поясных наборах (рис. 4, 10-56). Парадоксально, но эта мода оказалась очень живуча и широко распространилась не только среди болгар, но и в финской среде (не затронув особо, южных кочевников — половцев). Близкие и аналогичные изделия найдены у мордвы, марийцев, удмуртов, причем здесь они использовались, в основном, как детали обычного костюма (поясные пряжки и накладки). Особенно часто они встречаются в удмуртских могильниках (Кузьминском, Чиргинском и др.), где датируются XI — XII вв.¹⁵. На памятниках северных удмуртов XI — XII вв. найдены и остатки железной уздечной гарнитуры, в частности шарнирные подвески (городище Идна-кар: коллекция ГОМТР, 5571-7, Кузьминский, Чиргинский, Чемшай могильники¹⁶), аналогии которым обнаружены в слое второй половины XI — середины XII вв. на Остолоповском, Мурзихинском селищах, а также в подъемном материале из Лаишевского (Чакма) селища в Татарстане.

Интересно, что остатки пояса с железными украшениями выявлены на Билярском II могильнике (погр. 147), причем антропологическая серия этого могильника, в целом, финского (чепецкого ?) происхождения.¹⁷ Этот факт, кроме подтверждения присутствия финского компонента в Биляре, что отмечала, в свое время Е.А.Халикова, не давая, правда, этнической характеристики,¹⁸ заставляет пересмотреть и датировку этого могильника, в частности ранней груп-

пы погребений, относимых к началу — середине X в. Стоит сказать, что по данным раскопок количество погребений с отклонением от “ортодоксального” мусульманского обряда на этом могильнике составляет 62%.¹⁹ Такие черты погребального обряда, как северная ориентировка, положение на спине, руки скрещенные на тазовых костях, железная поясная гарнитура и ряд других можно найти в удмуртских некрополях XI — XII в. Скорее всего ранние захоронения Билярского II могильника совершены не ранее конца XI в. и связаны с выходцами из Прикамья.

Для предметов “аскизского” круга типично фигурное оформление формы самого изделия (шлемовидные, стрельчатые, вильчатые, типа “ласточкин хвост” и др. окончания), что отличает их от стандартных наборов бронзовых украшений того же назначения, синхронных по времени (рис.2, 36). Отметим, что существуют и аналогичные изделия, сделанные из бронзы (ср.: рис.2, 31 и рис.4, 14). Развитием этой моды следует считать появление прорезных накладок в первоначальном варианте близких к исходным “аскизского типа” (как, например, на части распределителя уздечки — рис.2-а), но затем претерпевших заметную стилизацию (рис.2, 33, 34).

Не менее интересна эволюция ряда типов лировидных пряжек. Исходные варианты с узким переходом от рамки к приемнику (рис.2, 8), происходящие от “сросткинских” образцов, перерастают в более массивные со специальным отверстием для язычка, производившиеся, вероятно, на Верхней Каме (рис.2, 9). Поволжский вариант таких пряжек²⁰ имеет пышную декорацию (рис.2, 10).

Интересный сюжет представляют литые бронзовые накладки на пояс с объемным рисунком (рис.2, 25), судя по стилю, так же относящихся к этому же кругу. Они найдены, кроме булгарских памятников, в могильниках вымской культуры.²¹

Керамический материал с булгарских памятников, проанализированный Т.А. Хлебниковой и Н.А. Кокориной,²² так же подтверждает сделанные наблюдения.

Если для прикамских финнов процессы этнокультурного взаимодействия прослеживаются достаточно четко, то для поволжских финнов такая связь в конце XI — XII вв. выражена менее ярко. О присутствии мордовского компонента свидетельствуют находки на булгарских памятниках застежек сюльгам (рис.5, 42-45), некоторых типов орудий труда и быта. Не исключено, что система устройства укреплений мордовских овражно-мысовых городищ, с двумя рядами валов — с напольной и мысовой стороны, была заимствована булгарами (например, Малополянское, Староромашкинское городища в Татарстане). Почти одновременно на булгарских и мордовских городищах (не позднее конца XI в.) стал использоваться эскарп склонов оврагов. Булгарское присутствие более ощутимо на материале самих мордовских памятников. Особенно показательны в этом плане археологические памятники Притешья, связываемые В.Н. Мартьяновым с “Пургасовой волостью”²³, тяготевшей к булгарам. Центральное городище ее — Понетаевское — имеет кольцевую систему обороны, характерную и для многих булгарских городищ. Кроме того, в мордовских могильниках этого региона достаточно часто встречаются вещи, аналогичные булгарским или булгарского производства.

Интересно, в связи с этим, широкое распространение на поселениях и могильниках финского мира от Ладоги до Урала медных котлов, пришедших в середине XI в. на смену железным и к концу этого столетия почти полностью вытеснивших их. Значительное место, которое они занимали в быту и верованиях финских народов обусловили их популярность и массовость изготовления.²⁴ Отнюдь не случайно широкое распространение их и в Волжской Булгарии.

Процессы культурного и этнического взаимодействия стимулировались активными торговыми, политическими связями булгар. Немало этому способствовало и работоторговля.

Итак, основной тенденцией домонгольского времени является появление симбиозных явлений в материальной культуре булгар, основывавшихся на тесном этническом взаимодействии народов региона в это время. Следы этнической метисации выявляются при анализе бытовых украшений, свидетельствующих о наличии не только общепринятого государственного культа, но и широкого пласта языческих воззрений, существовавших одновременно и связанных как с финским, так и с тюркским миром. Эти явления были одинаково характерны как для сельского, так и для городского населения Булгарии.

Золотоордынское время внесло существенные изменения в характер наблюдаемых явлений. Это особенно заметно на фоне явлений общего порядка, наблюдаемых в булгарской материальной культуре этого времени. Рассмотрим их. Во — первых, к числу общих тенденций периода Золотой Орды следует отнести достаточно четкую дифференциацию этнических признаков в деталях и наличие сивелированной “общей” культуры государства. Последняя нашла отражение и в тех общих процессах, происходивших в сопредельных регионах.

Например, как видно из рисунка 5, при сохранении в costume шумящих украшений (рис.5, 52-55) финского происхождения, основная масса их заменяется предметами христианского культа: крестами — тельниками (рис.5, 49-51, 73-75, 77, 79 — 82), нагрудными иконками (рис.5, 48, 76), энколпионами (рис.5, 47, 78, 83). Встречаются предметы мусульманского культа, как правило в кладках. Наиболее распространены были коробочки- капторги для хранения молитв. Очень ярко прослеживается группа языческих украшений костюма, принадлежащих мордве (рис.5, 56-70).

Второй особенностью этого времени является отсутствие четкой связи комплекса украшений домонгольского и золотоордынского времени. Причем, появляется целый пласт изделий не несущих “этнических” признаков. К ним следует отнести серьги в виде знака вопроса (рис. 1, 9, 10), перстни, как правило, медные с изображениями соляного характера (рис. 1, 20) или символов благопожелания (раскрытая ладонь — рис.1,21) мало имеющие общего с домонгольскими изделиями.

Отметим, также пластинчатые браслеты с изображением львиных голов на концах (иногда — стилизованной розетки) (рис. 1, 39, 41). В ряде случаев, плоскость браслета украшалась нечитаемыми арабесками (рис.1, 40) или стилизо-

ванным объемным рисунком в виде веревочки (рис.1, 42), а в ряде случаев тонкой гравировкой пуансоном (рис.1, 41).

Другим изделием, завоевавшим признание у рядового населения, были металлические зеркала, в домонгольское время не имевшие распространения. Наиболее типичны предметы с бессюжетными изображениями в виде объемных полосок и линий (прослеживаются солярные мотивы: круг, крест, чаще хаотические композиции, бессистемно заполняющие плоскость — “сеточка” из перекрещивающихся линий, косые линии, и т.п.); иногда встречаются композиции, в основе которых содержится мотив тюльпана, и, очень редко, подражания китайским образцам типа “ба лэн цзинь” с фестончатым краем, рыбами, “сидящими мудрецами”, с изображениями “бораков” или мотивов зодиакального круга с “кнопками” — разделителями.

Серебряные украшения на сельских поселениях золотоордынского времени, в отличие от домонгольских, практически, не встречаются. В связи с этим, возникает интересная проблема. Ювелирные серебряные украшения, найденные в Зауралье на финно-угорских памятниках и интерпретируемые как болгарские, по мнению исследователей, показывают, что “...их типы и технология изготовления практически не меняются с XI по XV в., а те перемены, которые удалось зафиксировать связаны ... либо с уменьшением количества серебра, либо с расширением масштабов производства ... такая традиционность присуща только болгарскому ювелирному делу, т.к., например, на Руси домонгольский убор четко отличается от убора золотоордынского времени”. Пик их производства, по мнению автора, приходится на II половину XIII-XIV вв.²⁵

Складывается парадоксальная ситуация, когда данные, полученные из исследований на территории самой Булгарии вступают в очевидное противоречие с выводами, полученными на материале памятников Зауралья и Прикамья. Предположение о том, что широкое распространение болгарских украшений соседними народами произошло из — за использования их в качестве торгового эквивалента,²⁶ не является полным объяснением этого факта. Отметим также, что большая часть распространявшихся в Зауралье и верхнем Прикамье украшений, за рядом исключений (“золотые” височные кольца с уточками, плетеные проволочные браслеты, подвески с шатонами), не имеют истоков в болгарском костюме. А некоторые, например грушевидные подвески, пластинчатые серебряные круглоконечные браслеты,²⁷ скорее всего связаны с угорским кругом древностей. Последние достаточно часто встречаются в Прикамье на памятниках XI — XII вв., в том числе и в комплексах с монетными находками.²⁸ Нет веских причин утверждать, что в золотоордынский период болгарские мастера вообще производили данные типы украшений и тем более увеличивали их выпуск, особенно, во второй половине XIV в.

Складывается впечатление, что момент массового оседания “болгарских” предметов в могильниках и кладах этого региона отнюдь не свидетельствует о пике их производства в данное время. Показательны, в этом плане, медные котлы. Больше всего они имели хождение в XII в., охватывая, как болгарские так и финские территории. К концу XIII в. массовое производство этих изделий пре-

кращается. В Булгарии в начале следующего века медные котлы вытесняются чугунными котлами, хотя ограниченное количество их новых типов имели хождение, как в Болгаре, так и в Поволжье, у мордвы. Чугунные котлы использовались угорским населением “чияликской культуры”.²⁹

Примечательно, что в Зауралье домонгольские формы медных котлов стали “оседать” в качестве погребального инвентаря а конце XIII — начале XV в. Так на памятниках Западной Сибири доля медных котлов увеличивается с начала XIII в.³⁰ Интересно, что, чем дальше к востоку, тем позднее медные котлы получают распространение в погребальной практике: в Тискинских курганах они встречаются в комплексах XIV — XVIII вв. Скорее всего, они использовались гораздо позже, чем были изготовлены.³¹

Тезис о “продолжении” традиций ремесленного производства домонгольского и золотоордынского времени, не находит полного подтверждения в других материалах, в том числе среди универсальных бытовых предметов. Так очевиден факт увеличения в золотоордынское время ассортимента принадлежностей конской упряжи — в частности, стремян (рис. 7), причем, интересно, что сбруйные украшения этого времени уже мало напоминали изделия домонгольского времени (рис.4, 58-63), конечно за исключением железных подпружных и соединительных пряжек, устойчивые формы которых бытовали как в домонгольский, так и в золотоордынский период (рис.4, 1-3).

Показательны миниатюрные замочки в виде коньков, широко производившиеся в золотоордынских нижневолжских городах и в Булгаре (рис.2, 2) пришедшие на смену замочкам такого же назначения, но в виде “рогатого” барса (рис.2, 1). Из железных навесных замков стоит отметить появившиеся в это время усложненные их типы (рис. 3, 8, 9), хотя каких — либо региональных особенностей выделить в этой отрасли ремесла нельзя.

Достаточно устойчивыми в употреблении остаются универсальные орудия труда — топоры (рис. 6, 6, 7) и ряд других (косы, серпы). Значительно реже встречаются на селищах монгольского времени мелкие инструменты — шильца, сверла (рис. 6, 4,5), и практически не известны маленькие молоточки с зооморфным бойком (рис. 6, 9, 10).

Из вышесказанного вовсе не следует, что все болгарское ремесло золотоордынского времени было создано заново. Навыки и традиции остались, но получили толчок в ином направлении, более связанном с культурой и ремеслом нового государства и его городских центров. Именно этот факт подтверждает массовый керамический материал, подробно рассмотренный Т.А.Хлебниковой и Н.А.Кокориной³². Керамика оказалась более устойчива и во многом сохранила традиции домонгольского времени.

Вместе с тем можно отметить и следующие моменты. На поселениях золотоордынского времени фиксируется комплекс керамических находок, включающий, кроме круговой посуды, примитивнокруговые, реже — круговые сосуды XVIII группы: с примесью мелкой толченой раковины и крупнозернистого песка, украшенные “личинковидным” или простым гребенчатым штампом, и имевшие “рогатые и полочковидные” ручки. А так же сосуды XVI группы —

“славяноидной” — с примесью толченой раковины. Причем такая керамика встречается на селищах не ранее середины XIV столетия. Наличие фрагментов от таких сосудов на одном памятнике вместе позволяет уверенно говорить о ордынском времени его существования.

Истоки этих групп керамики уходят в финно-пермскую и славяне-финскую среду: близкие им сосуды встречены на памятниках Верхней Камы и на Средней Вятке, а так же в районе Марийско-Чувашского Поволжья. Причем исходные формы этих сосудов, принесенные на болгарскую землю, на протяжении небольшого отрезка времени заметно “гибридизировались”. Отмечено сильное запесочивание теста, необходимое для формовки сосудов на круге, а так же, в связи с этим, корректировка формы изделия³³.

Стоит отметить, что золотоордынский комплекс “безэтничных” находок охватывает и финно-угорские земли. Так, удивительную близость обнаруживает удмуртский могильник Солдырский II “Бигершай”³⁴ с материалами селища Песчаный остров. Например, биконические бусы бирюзового цвета из погребения 5 и зонная бусина черного цвета с зигзагообразным узором из погребения 1, имеют полные аналогии на Песчаном острове,³⁵ причем оба этих памятника, практически синхронны — комплекс инвентаря из погребений “Бигершай” относится ко второй половине XIII — первой половине XIV в.³⁶, а Песчаный остров датируется концом XIII — первой третью XIV в. На могильнике найден и “львиноголовый” металлический браслет — признак “ордынской” моды. Кстати, некоторые вещи, в частности, биконические бусы, встречаются и в мордовских могильниках XIV в.³⁷ причем, сюльгамы из них аналогичны тем, что найдены на болгарских селищах и городищах.

Особенно интересны памятники Марийского Поволжья, активно исследующиеся в последние годы Т.Е. Никитиной³⁸. Материал их, в некотором плане весьма близок селищу Песчаный остров, но более всего болгарским поселениям второй половины — конца XIV в.

Рассмотренные данные свидетельствуют о том, что общей тенденцией золотоордынского времени является быстрый процесс нивелировки этнических особенностей (по крайней мере, как это прослеживается по керамике), что хорошо наблюдается на материалах Песчаного острова. Но вместе с тем, на этой территории встречаются и достаточно “чистые”, не ассимилированные группы населения. Типичны, например, мордовские материалы, включающие селища (Богишевское, Карташихинское), могильники (Карташихинские, Ташкирменский, Большефроловский, Рождественский), отдельные погребения (надгробные камни XIV в. с названием “мухши” из с. Азелей, захоронение знатной мордовки в дюрбе у Малого Минарета в Болгарах и здесь же надгробный камень, поставленный над могилой Ахмеда хажи, жителя Болгара, сына мордвина — мокши) и отдельные находки мордовских украшений — сюльгам — на многих поселениях.³⁹ Мордовские могильники так же содержат массу материала, имеющего аналогии в болгарских древностях. Это фигурно-прорезные накладки⁴⁰, в больших сериях найденные на Болгарском городище (ГОМ РТ, № 7719), неко-

торые типы бус и др. Надо сказать, что ряд вещей в этих могильниках может быть и более раннего происхождения, например, глазчатые бусы.

Вместе с тем, с юга в это время начинается проникновение кипчакских групп, оставивших также достаточно “чистые” погребальные комплексы.

Итак, проведенный анализ показал, что территория болгарского улуса представляла собой в золотоордынское время чрезвычайно пеструю картину в этническом плане, где интенсивно проходили ассимиляционные и миграционные процессы. Активную роль в них играло население с территории Мордовии, Средней Камы, Вятки и Поветлужья, а также тюркские (кыпчакские) группы, проникавшие сюда с нижней Волги.

Данные материалы позволяют коснуться еще одной большой темы, связанной с проблемой этнических и культурных контактов в золотоордынское время. Это характерные особенности периферийной золотоордынской культуры данной области Золотоордынского государства. Предварительно, можно наметить следующие ее черты. Это, во — первых, наличие общих (универсальных) черт городской “моды” — украшений костюма, предметов туалета и т.п., а также продукции ремесленных ордынских центров, в числе их крупные тарные круговые сосуды, поливная керамика, чугунные котлы и др.

Во-вторых, присутствие специфических (этнических) элементов быта, которые, несмотря на быстрые процессы нивелировки, устойчиво сохранялись на протяжении всего золотоордынского периода. Обусловлено это было меньшей плотностью населения, большей автономностью сельских общин, различными путями формирования последних (коренное население, пленные, рабы, переселенцы и т.д.), а также постоянной инфильтрацией отдельных групп населения из мест этнического расселения, обусловленного наличием единого политического пространства в рамках Золотой Орды.

В-третьих, существование торгово-экономических связей селищ, не только с близлежащей округой (что было характерной чертой домонгольского времени), но и с более отдаленными районами государства и его сопредельных территорий.

В-четвертых, отсутствие непосредственной связи домонгольской “моды” с золотоордынской, и в последней, отсутствие последовательного развития и формирования симбиозных типов украшений и т.п.

Примечания:

¹ *Седов В.В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII — XV вв.) // МИА № 92. М. — 1960, — С.8

² *Руденко К.А.* Материальная культура болгарских селищ XII—XIV вв. низовий р. Кама. Автореф. канд. дисс. — М., 1995. — С.3

³ *Старостин П.Н.* Раннее поселение на правом берегу Малого Иерусалимского оврага в Болгарах // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. — Казань, 1993.

⁴ *Руденко К.А.* Материальная... — С.4

⁵ *Кавеев М.М.* Некоторые итоги исследования Кожаевского IV селища // Историко-археологическое изучение Поволжья. — Йошкар-Ола, 1994.

⁶ *Кавеев М.М.* Некоторые; *Казаков Е.П.* Булгарское село X—XIII вв. низовий Камы. — Казань, 1991

- ⁷ Руденко К.А. Исследования селища и могильника Песчаный остров (Алексеевского у дамбы) в Татари в 1993—1994 гг. // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. — Йошкар-Ола. 1998.
- ⁸ Истомин К.Э. Новые мезолитические памятники в Нижнем Прикамье и некоторые вопросы изучения Волго-Камских мезолитических культур // Древние памятники Приустьевого Закамья. — Казань. 1993. — С.5-19.
- ⁹ Руденко К.А. Исследования... — С.61,62; Руденко К.А. К вопросу о датировке II горизонта селища Песчаный остров // Эпоха бронзы Нижнего Прикамья. Тезисы. — Казань, 1996. — С.12.
- ¹⁰ Казаков Е.П. Волжская Булгария и финно-угорский мир // Finno-Ugrica, № 1. 1997. — С.37-44.
- ¹¹ Руденко К.А. Материальная... — С.4, 5
- ¹² Казаков Е.П. Волжская... — С.33-53.
- ¹³ Руденко К.А. К вопросу о верованиях сельского населения низовьев р.Кама в XI — середине XIII вв. (по археологическим данным) // Религия и церковь в культурно — историческом развитии Русского Севера. Материалы конференции. Том 1. — Киров, 1996. — С.151-154.
- ¹⁴ Руденко К.А. К вопросу... — С.153.
- ¹⁵ Иванова М.Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI—XIII вв. — Ижевск, 1992.- рис.18; 20-3; 32-20
- ¹⁶ Иванова М.Г. Погребальные... — С.51, рис.18-19
- ¹⁷ Халикова Е.А. Билярские некрополи // Исследования Великого города. — М.: Наука. 1976. — С.148
- ¹⁸ Халикова Е.А. Билярские... — С.148.
- ¹⁹ Халикова Е.А. Билярские... — С.126.
- ²⁰ Руденко К.А. Материальная культура болгарских селищ XII — XIV вв. низовий р. Кама. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. — М., 1995. — С.111 и др.
- ²¹ Савельева Э.А. Вымские могильники XI—XIV вв. — Лнгр., 1987. — рис.36-17, 25.
- ²² Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. — М.: Наука, 1988. — С.7-102; Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI — начала XV вв. (к проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). Автореферат дисс...канд. ист. наук. — М., 1991.
- ²³ Мартыанов В.Н. Вопросы древней этнической истории мордвы-эрзи // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Материалы конференции. — Йошкар-Ола, 1995. — С.49-51.
- ²⁴ Руденко К.А. Металлические котлы из финно-угорских археологических памятников Поволжья и Приуралья V—XIV вв. н.э. // Финно-угроведение. 1997, № 2. — С. 122-129.
- ²⁵ Федорова Н.В. Художественный металл Волжской Булгарии // Восточный художественный металл из Среднего Приобья. Новые находки. Каталог временной выставки. — Л., 1991. — С.9.
- ²⁶ Белавин А.М. О своеобразии ювелирной продукции Волжской Булгарии X—XIII вв. // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. — Сыктывкар, 1992. — С. 147.
- ²⁷ Белавин А.М. О своеобразии... — рис.2, 10.
- ²⁸ Истомина Т.В. Комплекс погребения 37 Чижтыгского могильника // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. — Сыктывкар, 1992. — С.135, рис.2-33.
- ²⁹ Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. — М.: Наука, 1978. — С.42-93.
- ³⁰ Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ, вып. 20. — Екатеринбург, 1991. — С. 141.
- ³¹ Боброва А.И. О хронологии художественных бронз Тискинского могильника // Археология и этнография Приобья. — Томск, 1982. — С.36-46.
- ³² Хлебникова Т.А. Неполивная... — С.7-102.
- ³³ Руденко К.А. Исследования... — С.68, 69.
- ³⁴ Иванов А.Г. Средневековые памятники окрестностей Иднакара // Материалы исследований городища Иднакар IX—XIII вв. — Ижевск, 1995. — С. 109-114.
- ³⁵ Руденко К.А. Алексеевское селище и могильник (у дамбы) в Татари // Проблемы средневековой археологии волжских финнов /АЭМК, вып.23. — Йошкар-Ола, 1994. — рис.4-7, 8.
- ³⁶ Иванов А.Г. Средневековые... — С.1 12.

³⁷ *Алихова А.Е.* Старосотенский могильник. // Археологический сборник. Вып. 1. — Саранск, 1948. — табл. III-48.

³⁸ *Никитина Т.Б.* Юльяльское селище (к вопросу о марийско-русских связях в эпоху средневековья) / АЭМК, вып. 20. — Йошкар-Ола, 1991.

³⁹ *Халиков А.Х.* Мордовские и болгаро-татарские взаимоотношения по данным археологии // Этногенез мордовского народа. Материалы научной сессии. — Саранск, 1965. — С. 164, 166; Казаков Е.П. Волжская... — С. 41.

⁴⁰ *Алихова А.Е.* Муранский могильник и селище // МИА № 42. — М., 1954. — рис. 17-42, 44, 48, 51, 49.

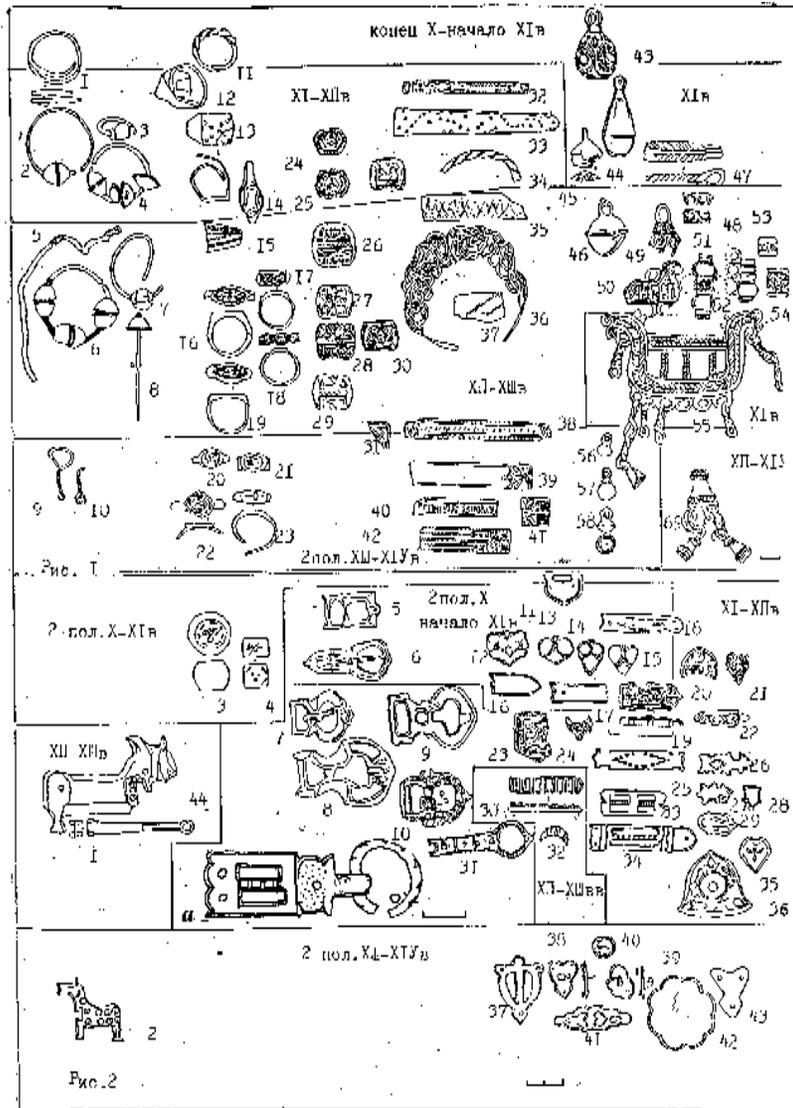

Рис. 1. Украшения и бытовые предметы. Селища: Чакма — 4, 5, 7, 9, 10, 12-23, 33-35, 37-40, 41, 45, 46, 50, 53-54, 56-59. Мурзинское — 2, 7, II, 24-31, 44, 49, 51, 59; VI Алексеевское — 1, 3, 32, 43; Рождественское — 6, 8; Посадки 1 — 38; Степное озеро — 39; IV Старокуйбышевское — 36; Алексеевское — 55; Серебрячихинские находки — 52; Лаишевское 1 местонахождение — 43. Серебро: 6, 8, 9, 24-31, 36, 50; свинцово — оловянистый сплав: 16-19, 21, 22; остальное бронза и медь.

Рис. 2. Пряжки и накладки из цветного металла. Селища: Чакма — 8, 9, 19, 20, 22, 24-34, 37-43; Мурзинское — 1-7, 10, 18, 21, 23; VI Алексеевское — 7, 12-17; VI Рождественское — 35, 36; Дамба III — 2; Лаишевское 1 местонахождение — II. Серебро: 2-17; железо покрытое бронзой: 3; остальное: бронза и медь.

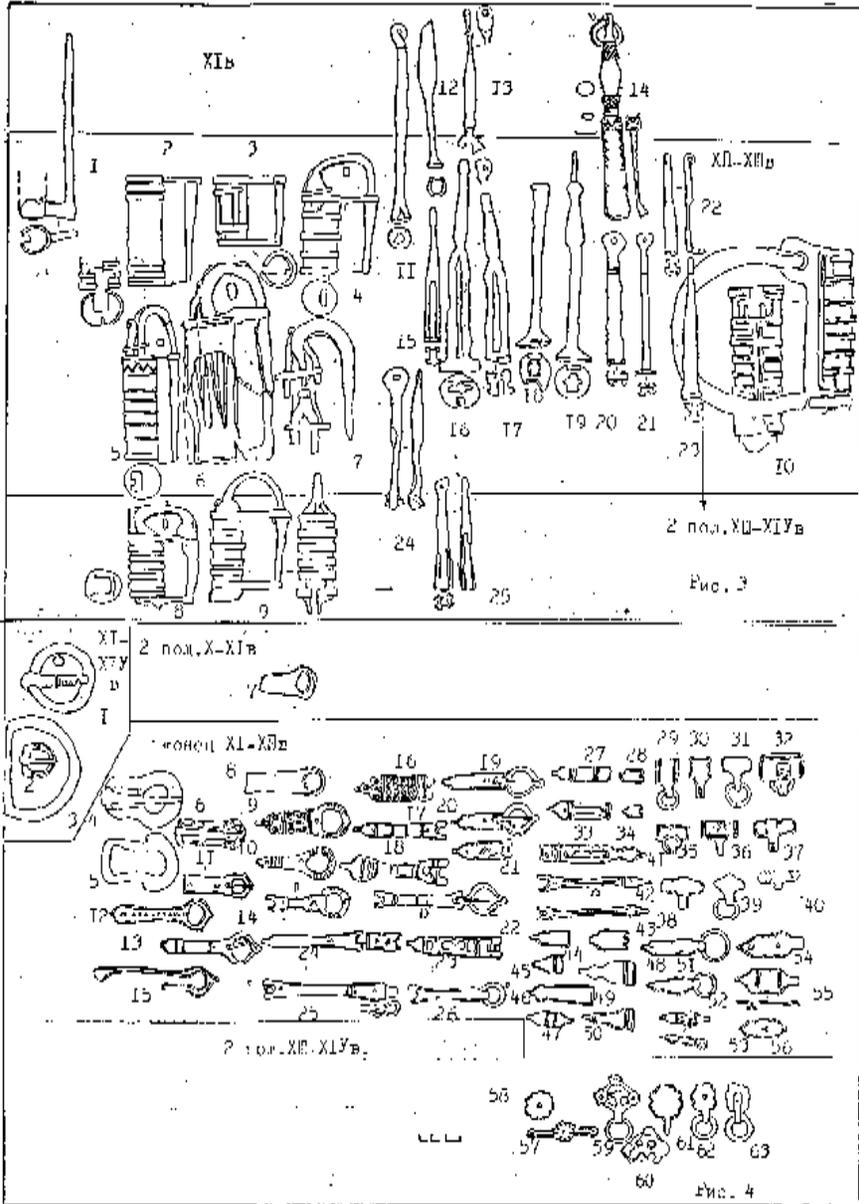

Рис.3. Железные замки и ключи. Местонахождение Разбойничий остров — 8, 9. Остальное с селища Чакма.

Рис.4. Пряжки и накладки из железа. Городища: Старый Нохрат — 16; Биляр — 10, 12, 18, 24; Селища: VI Алексеевское — 4, 7, 15, 52; Мурзихинское — 19, 22, 35-39, 44-49; Чакма: все кроме 7, 10, 12, 16, 18, 24. Коллекция ГОМТР: 10, 12, 16, 18, 24.

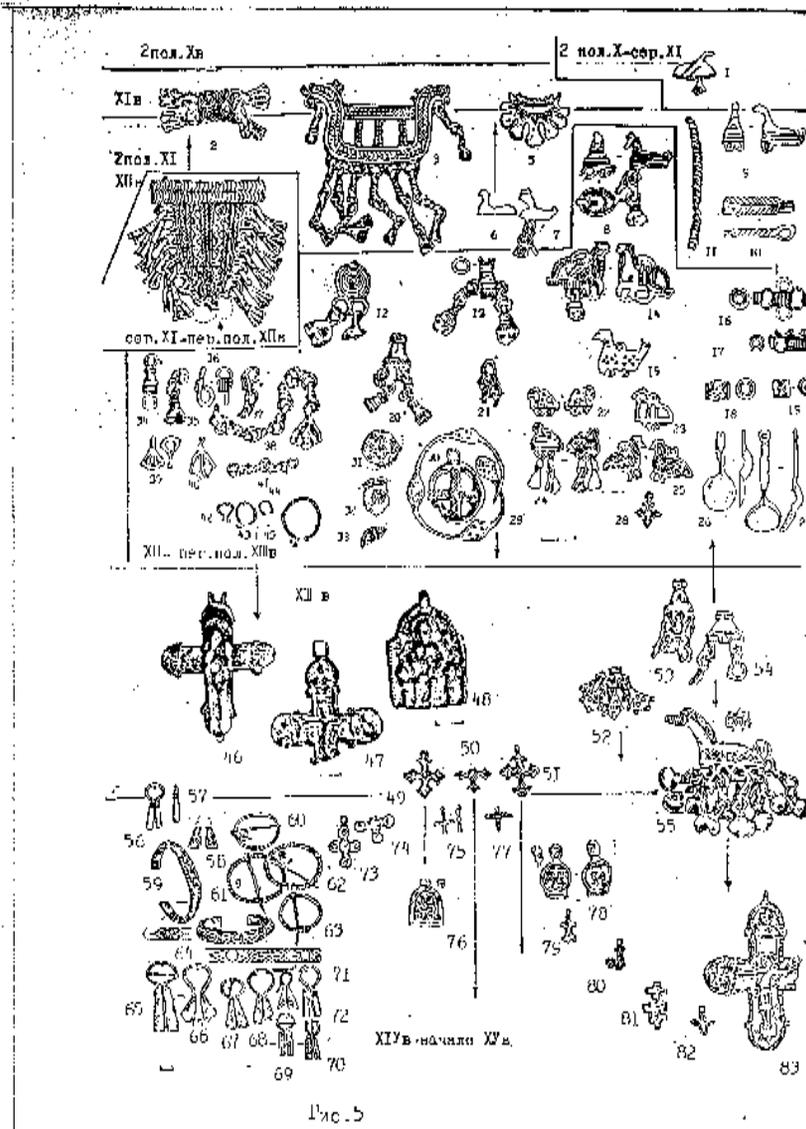

Рис.5. Украшения и предметы христианского культа из цветных металлов. Городища: Биляр — 2, 8, 13, 14, 15, 26, 27, 52, 55; Болгары — 65-72; Рождественское — 59-64. Тетюшский уезд: 4. Селища: VI Алексеевское — 5, 11, 30, 43, 23; Рождественское — 76; Алексеевское — 3; Мурихинское — 10, 20, 21, 14, 22, 34, 40, 48; Семеновское — 29; Богородицкое — 46; Дамба I — 56-58; Дамба III — 29; Серебрячихинские находки — 16,17; Местонахождение Разбойничий остров — 51; Танкеевский могильник — 1. Остальное с селища Чакма. Серебро: 28, 79. Свинец — оловянистый сплав — 31-33, 81. 1, 6, 7, 15, 22-25: по Е.А.Беговатову и Е.П. Казакову. Коллекция ГОМТР: 4, 13, 14, 22-27, 52, 55, 65-70; 59 — частная коллекция. Музей Лаишевской средней школы № 2: 83; музей Алексеевской школы: 3.

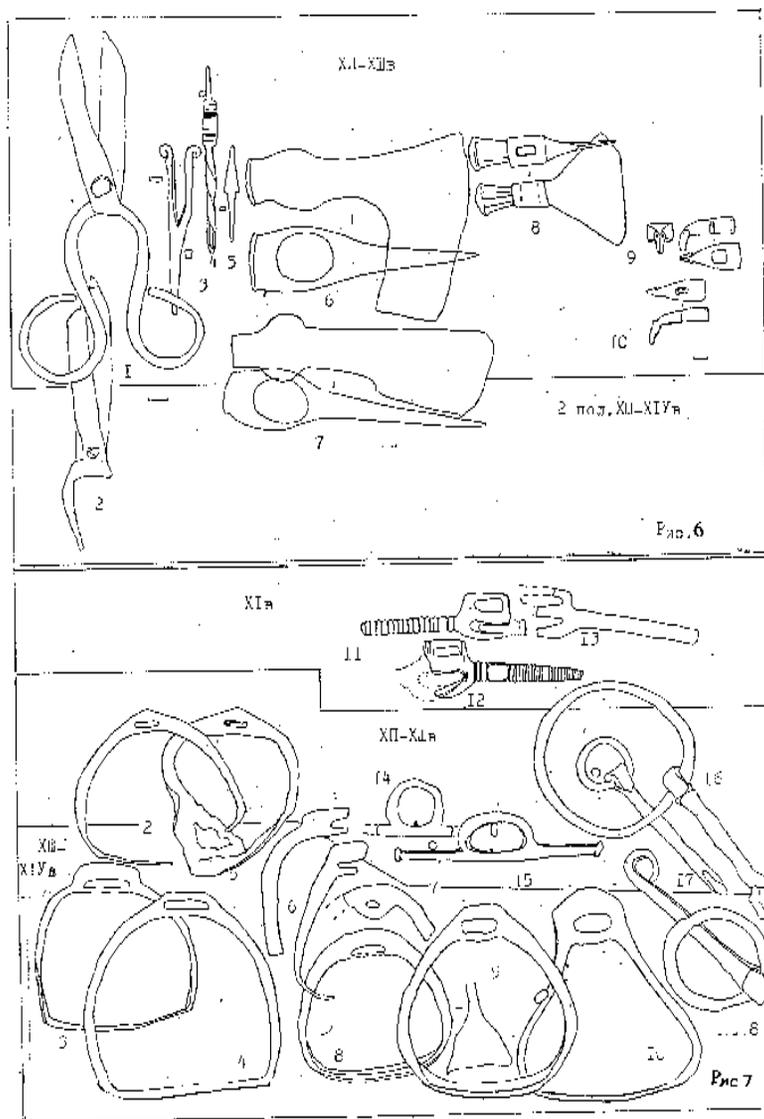

Рис. 6. Изделия из железа. Мурзиха: 7, 8. Саконское селище, Биляр: 9, 10. Остальное: Чакма.

Рис. 7. Изделия из железа. VI Алексеевское: 11, 13. Биляр: 12. Семеновский остров (по А.Х.Халикову): 4, 10 (по Е.П.Казакову): 5. Песчаный остров: 8, 9. Мурзиха: 17. Остальное — Чакма.

Леонид Кызласов

Сохранятся ли малочисленные народы финно-угорской языковой семьи в XXI веке? (заметки о языке)

Малочисленные народы России справедливо опасаются ассимиляции. Они боятся утратить свой родной материнский язык и свою культуру. Иногда, как например, в прибалтийских республиках или в странах СНГ, эти народы пытаются спастись бегством, изоляцией от крупных народов-ассимиляторов. Они замыкаются в свои национальные территориальные “резервации”, как моллюски в раковины.

Но вся история общения разноязычных коллективов показывает — изоляция не помогает. Она иссушает душу и разум народа, препятствует его свободному прогрессивному движению вперед, отрывает его от общего древа развития единой культуры рода человеческого.

Да, полная ассимиляция есть гибель народа. Но можно ли ее избежать и как это сделать? История показывает, что “лекарство” от “неумолимой” языковой ассимиляции существует. Да оно есть! Рассмотрим примеры выживания и сохранения немногочисленных народов (а, следовательно, и их языков) в, казалось бы, абсолютно неблагоприятных условиях полной колонизации их исконной территории крупным народом.

Известно, например, что с XII в., со времени кюрфюрста Альбрехта Медведя, немцы начали свою экспансию на славянские и балтские земли, расположенные к востоку от территории обитания германских племен. Устремление к захвату восточных земель получило в Германии крылатое название: “Drand nach Osten!” Страшному германскому напору первой подверглась западная ветвь славян: полабские и лужицкие сербы, обитавшие в верхнем и среднем течении рек Лабы (немецкое: Эльба), Шпрее и Нисы -Лужицкой. Полабский язык своей письменности не имел и поэтому, в условиях сплошного немецкого окружения, просуществовал (только в княжестве Лüneбург) до первой половины XVIII в. и был утрачен.

На лужицком языке письменность, на основе латинского алфавита, возникла в XVI в. И вот после почти четырехсот лет полного немецкого засилья, произошло чудо. В 1945 г. часть “немцев”, граждан разгромленного фашистского рейха, проживавших к югу от Берлина на Лужице, Шпрее и правом берегу Эльбы (в округах Котбус и Дрезден), заявила, что они никакие не немцы, а лужицкие сербы, сохранившие свою письменность, свои книги, “подпольные” школы и, главное, свой язык. 100 тысяч человек говорящих и пишущих по-славянски, сохранившие как выяснилось, национальную культуру (народное образование, особенности быта, одежду и т.п.), потребовали автономии для своего народа. В условиях ГДР их требование было признано вполне законным, и автономия сербы получили. Оказалось, что сохранявшийся около 400 лет в абсолютно чужеродной германоязычной среде, лужицкий язык не только не подвергся ассимиляции, но

образовал два сформировавшихся литературных языка — “верхний” и “нижний”, причем “верхний” лужицкий литературный язык оказался более развитым.

Лужичане преподали миру серьезный урок. Проявив свехупорство, они четыреста лет хранили и “подпольно” развивали свои письменные языки, книгопечатание, обучали детей в семье не только разговорному языку, но и письменному родному языку.

Другой пример. В 1453 г. турки-османы взяли Константинополь, а затем в конце XV в. захватили весь Балканский полуостров, вплоть до Италии, Венгрии и Украины. Все народы полуострова: греки, сербы и хорваты, черногорцы и македонцы, болгары, влахи (а также их соседи — молдоване, местами венгры и др.) — на многие столетия были закрепощены, низведены до полнейшего бесправия, задержаны в хозяйственном и культурном развитии. Но все они сохранили свои языки, ибо наряду с фольклором, не только имели свою письменность, но и с конца XV в. произвели ряд опытов отечественного книгопечатания, пусть даже и не всегда на родном языке, а на языке своих соседей.

Еще пример. В XVI в. под германским напором погибли и исчезли языки таких балтских народов, как пруссы, поморяне, куры, — у них не было своей письменности. Но вопреки закрепощению немцами, поляками и шведами свой язык и культуру сохранили финны (в 1542 г. в Стокгольме вышел финский букварь Агриколы), эстонцы (их катехизис появился в 1635 г. в Виттенберге), литовцы (выпустили катехизис в 1547 г. в Кенигсберге). Латвийский перевод катехизиса напечатан в 1585 г. в Вене.

Итак, прибалтийские народы, которые читали священные книги и молились на своих языках, сохранили их и не подверглись ассимиляции. В Испании каталонский язык не был утрачен, благодаря переводу Библии в 1418 г., а редчайший язык пиренейских басков — благодаря началу книгопечатания на нем с 1545 г.

Обратим внимание и на наш собственный опыт — опыт, полученный в царской России. Прожив порой не одну сотню лет под державой российских государей, народы, имевшие собственную письменную культуру или книгопечатание на родном языке, ассимиляции не подверглись. Но несчетное количество других бесписьменных племен и этнических групп, в том числе и тех, имена которых остались лишь в письменных источниках, полностью растворились в русскоязычной среде и давно уже являются русскими.

А вот среди аборигенных народов Сибири, в то же время, существуют не какие-либо лингвистические изоляты, но и “инородцы”, обитающие в массе русского населения. Будучи бесписьменными в дореволюционный период, они не подверглись все же полной ассимиляции и сохранили свою родную речь.

Это, прежде всего, северные алтайцы, шорцы и хакасы, для которых, правда, преследуя свои цели, христианские миссионеры в 40-60-е годы XIX в. создали особый миссионерский алфавит. С помощью этого алфавита они переводили на упомянутые языки евангелия (уже с 1834 г.), молитвенники и другие богослужебные книги, печатавшиеся в епархиальной типографии города Томс-

ка. В 1868 г. миссия издала букварь на алтайском языке, а в 1869 г. “Граматику алтайского языка” протоиерея В.И.Вербицкого и в 1884 г. его же “Словарь”.

Службы в миссионерских церквях совершались на родном языке священниками-инородцами, которых готовили в Казанской учительской семинарии и Бийском катехизаторском училище. Известны хакасские священники: И.М.Штыгашев из Анжуля, С.Чисмочаков из Усть-Еси, Н.Ф.Катанов-второй — из Аскиза, Ф.Шоев из Усть-Абаканской церкви, Г.Одрогашев из Чаркова и др. Уже читая свои проповеди и молитвы на языке, родном для нерусских прихожан, священнослужители побуждали неграмотных южно-сибирских тюрков и молитвы в церкви творить на родном языке.

Вопреки ожиданиям и надеждам царского правительства и Священного Синода России на ускорение процесса русификации южносибирских инородцев, миссионерская деятельность, в данном случае, привела к неожиданным результатам. Прежде всего, формальное принятие христианства, как оказалось, не отвратило полностью алтайцев и хакасов от натуралистической религии своих предков — шаманизма. Во-вторых, церковь способствовала сохранению и развитию природных языков и диалектов своей паствы и, следовательно, надежно защитила южносибирских тюрков от русификации и полной ассимиляции.

В данном случае, это очень важный урок прогрессивности христианского служения на тюркских языках. Его следует оценить любой национальной интеллигенции.

Науке известно также, что знание родного языка и его губная артикуляция закладываются у человека в возрасте до пяти лет и затем сохраняются до самого конца его жизни. Поэтому в семье, живущей в иноязычной среде, родители должны говорить дома с ребенком только на языке своего народа.

Второй язык ребенок освоит сам, находясь в среде иноязычных сверстников. С помощью детских книг, изданных на родном языке, он изучит дома и впоследствии никогда не забудет языка своего малочисленного народа. Московские татары, например, 400 лет живут и трудятся в российской столице, но языка своего, национальности своей не забывают.

Таким образом, развитая письменная культура, книгопечатание (журналы, газеты, научная, художественная и учебно-педагогическая литература), обучение в школах и дома, в специальных средних и высших учебных заведениях, церковная служба, радио, телевидение, просветительские лекции и беседы на родном языке — все это вместе спасет любой народ от ассимиляции. Но если только сам народ того пожелает.

При этом, отнюдь не следует избегать общения с людьми, говорящими на других языках. В настоящее время все аборигенные народы Поволжья и Сибири двуязычны, или даже трехязычны, ибо преподавание в школах, в основном, велось у них на русском языке с одновременным изучением языков других стран (прежде всего, — английского, немецкого, французского). Многоязычие — великое благо для развития человека, расширения его кругозора при познании мира, для приобщения каждого к общечеловеческой культуре.

Таким образом, ассимиляция разрушительна, но и изоляция вредна. Всякий литературный язык обогащается и развивается от общения с живым народным языком, с фольклором. Язык украшают сказители, поэты, писатели, знатоки чистой материнской речи, артисты-декламаторы; образованные и грамотные журналисты, ведущие радиопередач и ученые-языковеды. Письменный язык малочисленных народов очень нуждается в развитии, но при условии полного и бережного использования старого лексического фонда и близкой лексики соседних и родственных языков, подчас сохранивших из общего средневекового языка те формы, которые почему-либо утратили в своем языке другие этнические группы.

Отвратительны все виды жаргонов, коверканье языка чиновниками, псевдограмотная речь любителей щегольнуть не к месту вставными чужеродными словами, которые большинству людей непонятны.

Наличие письменного литературного языка помогает решить проблему выживания любого народа, ликвидируя элемент стихийности и позволяя заниматься укреплением позиций письменного языка, как одной из важнейших основ жизнеспособности всего народа. Нужна специальная, научная программа, разрабатывающая пути дальнейшего развития литературного языка. Программа эта должна быть поддержана и утверждена государством.

В настоящее время иногда возникает определенный разрыв между языком национальной печати, радио, телевидения и языком народа. Пользуясь свободой печати, журналисты произвольно засоряют литературный язык не употреблявшимися прежде и чуждыми народной речи англосаксонскими и другими иноязычными терминами.

Народ перестает понимать такие тексты газет и радио, перестает смотреть передачи местного телевидения. Это плохой признак и он должен тревожить, в первую очередь, национальную интеллигенцию.

В печатных работах иногда вводятся, как якобы народные, небывалые для истории того или иного этноса наименования чинов и званий социальных слоев, религиозных и военных деятелей и т.д. Если в народной речи не существовало исторически чуждых ей терминов и наименований, зачем бездумно их вводить? Ведь люди тогда невольно отдаляются от своих печатных органов и подчас отказываются пользоваться своей письменностью. Оставшись снова бесписьменными, народы очень скоро будут ассимилированы.

Литературный язык любого народа должен стать понятным всякому члену этноса. В борьбе за чистоту и вдумчивое развитие материнского языка нужны осторожные меры.

В национальных районах и округах следует создать лингвистические комиссии из авторитетных специалистов-языковедов, местных уроженцев, с детства являющихся носителями разговорного языка. Лингвистические комиссии должны обладать полной законодательной инициативой: обсуждать нормы литературного языка, следить за правильностью написания и произношения языковых текстов. Они обязаны способствовать организации преподавания письменного языка, следить за культурой речи, строго санкционировать все ново-

введения соответственно с законами языка и потребностями жизни в печатной продукции. Нужна (и не следует этого пугаться!) своеобразная лингвистическая цензура, осуществляемая через институт специальных редакторов.

Лингвистические комиссии будут выявлять местные особенности народной речи, еще не переплавленные литературным языком и, по возможности, осторожно вводить их во всеобщий речевой обиход.

Такие меры смогут помочь малочисленным финно-угорским народам сохранить свою материнскую речь в грядущем XXI веке.

Шумилов Евгений

Восточные финны и мировые религии

Национальные историки современных государственных образований восточных финнов России (Мари Эл, Мордовии, Республики Коми, Удмуртии) до сих пор игнорируют цивилизующую роль мировых религий в истории культуры своих народов, явно переоценивая соответственно роль прежнего политеизма восточных финнов и их нынешнего неоязычества.

К мировым религиям принято относить **христианство и ислам**. Их общая особенность в том, что они неизбежно порождают великие цивилизации, выходящие за пределы одного этноса, сплачивающие народы различных стран. Возникновение таких религий произошло почти синхронно и именно ими были записаны в культурный код человечества в качестве безусловного императива “*всеобщие принципы цивилизованности*”¹. Совокупность этих принципов, незнакомую миру язычества, чаще всего уподобляют десяти библейским заповедям (декалогу). Недоступно языческому миру нашей эры и использование своей, рожденной внутри него, письменности. Великое изобретение человечества — **алфавитное письмо** — получило развитие только в зрелых цивилизациях, основанных, как правило, на одной из мировых религий.

Есть и уникальное исключение — чрезвычайно высокоорганизованное язычество античного мира. На своем закате оно породило мировую религию — христианство, в котором по наследству оказалась значительна доля языческого компонента. В данном отношении позволительно будет уподобить античное, “классическое язычество” классическим языкам — древнегреческому и латинскому. Последний, являясь “мертвым” в быту, служит однако официальным языком католической церкви и Ватикана, а также составляет значительный компонент внутри “живых” языков христианского сообщества народов. Точно также “мертвое” язычество составляет сейчас значительный компонент внутри “живого” христианства.

Но язычество, как цельное явление, никогда и нигде больше не достигало уровня, соразмерного античному, не сумев более за все последующие века ни в одном из регионов унифицироваться с помощью письменности. Несостоятельными воспринимаются нередкие попытки обозначить древний мир восточных финнов как самостоятельную, зрелую аграрную бесписьменную языческую цивилизацию. Ю.М. Лотман полагает: “*Вся известная европейской науке культура основана на письменности. Представить себе развитую бесписьменную культуру (и любую развитую бесписьменную цивилизацию вообще)... невозможно*”². Однако он же остроумно предполагает существование некоего суррогата письменности для язычников и напоминает о феномене южноамериканских доинкских цивилизаций, которые не имели письменности, но создали мощные сооружения и ирригационные системы... Этот феномен — исключение и загадка. В целом же в обычных условиях цивилизация без письменности недееспособна, не готова к сохранению, обогащению и передаче тех основополагающих

духовных ценностей, которые возвышают и объединяют этнос. И в религиозной мифологии всех иных народов региона, подверженных многобожию, очень мало общих точек опоры, позволяющих выстроить здание цивилизации. Объединить разные этносы в монолитную цивилизацию современное язычество принципиально не способно именно в силу того, что оно многобожие, то есть разнoboжие.

На протяжении последних веков мир не знал даже отдельных языческих государственных образований. Язычествующие народы, в общем-то, не способны самостоятельно создать те цивилизационные институты, которые нужны настоящему государственному образованию, чтобы выжить в окружении мировых религий. Выжить — значит сохранить веру на государственном уровне с помощью письменности. Но восточные финны успели вступить только на далекие подходы к ее формированию. Лаконичные же геометрические фигуры из зарубок, линий, черт, которые вырезались или “писались” на бортных деревьях, бытовой и ритуальной утвари, письменностью не являлись. Эти фигуры функционировали только как знаки родовой собственности — “тамги” (отсюда “таможня”). Но они бессильны на высшем уровне, будучи не способны передавать качественно иную, более сложную информацию, жизненно необходимую для цивилизованной жизни.

Цивилизовать ее могут “цивилизаторы” (это слово было принято говорить с ироническим оттенком, подразумевая некие корыстные интересы) по различным цивилизационным направлениям. Страстными цивилизаторами Удмуртии и других регионов были служители и члены русской православной церкви. А. Дж. Тойнби в монументальном труде “Постижение истории”, признанном одной из вершин мировой историографии XX в., подчеркивает цивилизующую роль церкви. Он выделяет 21 цивилизацию и остроумно замечает, что в непрекращающемся процессе рождений и смертей цивилизаций церковь “играет роль яйца, личинки и куколки”³. Учение Тойнби о цивилизациях необходимо проиллюстрировать восточно-финской фактурой. Учение это, подвергнутое советскими авторами уничтожающей критике⁴, способно доказать свою плодотворность при изучении цивилизаций разных уровней.

Подведем итоги миссии русской православной церкви среди финно-угорских народов Поволжья и Прикамья. В тезисной форме они сводятся к следующему: в XVI — начале XX в. среди восточных финнов, частично, ислам, а затем в еще большем масштабе — христианство в православном варианте (при всех его взлетах, падениях и внутренних противоречиях) служило главным стержнем и движущей идеологической силой цивилизационных процессов, в том числе развития профессионального искусства.

Христианская цивилизация насаждалась среди восточных финнов усилиями представителей русского и восточно-финских народов. Осуществлялась своеобразная программа. Впрочем, она не всегда оформлялась через какие-либо обобщающие программные документы, но более вдохновлялась новозаветными текстами. Главный смысл их цивилизаторы видели в выражении “Свет Христов просвещает всех”.

Насильственная христианизация удмуртского края — важнейшая историческая акция в его летописи наряду с не менее насильственной советизацией. Лишь став вслед за большинством западных финно-угров христианским народом, многострадальные восточные финны смогли подняться до цивилизованного осознания необходимости государственности. Межнациональная взаимопомощь в форме синкретического полилога язычества, христианства и, частично, ислама, стала одной из констант истории региона.

Прогресс этноса могло обеспечить только начальное приобщение его к мировой религии. Служители церкви, но не жрецы, взрастили здесь все формы цивилизации; с миссионерскими целями была создана для удмуртов ее основа — письменность. Мастера искусств и писатели обратились затем к высшим духовным ценностям человека, недоступным миру язычества. Профессиональное искусство зарождалось исключительно благодаря христианству. Оно влияло и на народное искусство, народное мироощущение, языческую мифологию восточных финнов. Христианские поселения трех типов, разные по идеологическому смыслу их градостроительных композиций, выполняли с середины XVI в. функции центров цивилизующих сил, бастионов православия. Раскрывшись наиболее ярко в высоком русском классицизме, культовое зодчество региона стимулировало расцвет других видов и жанров искусства.

Вера в бога сплавляла народы, вдохновляла их на высоконравственные дела и творческие свершения. Восточные финны не знали иной, столь же массовой, плодотворной, несущей прогресс, веры. Христианство воистину стало для удмуртов *“конституирующим элементом”* и *“родником цивилизаторства”*.

Тактичное возрождение основ христианской цивилизации может содействовать органичному вхождению республик России в содружество цивилизованных государств.

Примечания:

¹ Новиков Л.И. Цивилизация как идея и как объяснительный принцип исторического процесса // Цивилизации, Вып.1. — М., 1992. — С. 17.

² Лотман Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур // Избр. статьи в 3-х т. Т. 1. — Таллинн, 1992. — С. 102.

³ Тойнби А.Дж. Постигание истории. — М., 1991. — С. 518.

⁴ Кирхоглани С.В. Вопросы религии в философии истории А. Тойнби. Критический анализ. Автореф. дис... канд. философ. наук. — Л., 1977. Бондаренко Ю.Я. Критический анализ учения Тойнби о роли религии в жизни общества. Автореф. дис... канд. философ. наук. — М., 1980.

Ксенофонт Сануков

Финно-угорские народы России: проблемы историографии

В конце XX столетия примечательными стали широко развернувшиеся процессы национального возрождения. Они охватили и финно-угорские народы России. В связи с этим у представителей обществоведческих, гуманитарных наук наблюдается большой подъем интереса к национальным, этническим проблемам. При этом становится очевидным, что существует большое разнообразие в исторических и современных процессах развития народов, и общее, “усредненное” их рассмотрение малопродуктивно. Необходим региональный подход, предполагающий учет местных особенностей. Актуальной стала в этом контексте и необходимость научного осмысления этнической истории и современного развития финно-угорских народов России.

В огромном этническом многообразии мира мы выделяем родственные группы народов и пытаемся рассмотреть этапы их истории и современное их состояние. Конечно, это делается не для того, чтобы противопоставить одни народы другим, а для того, чтобы лучше понять себя. Кто мы такие как народы? Каковы наши исторические родственные корни? И каково наше будущее?

Стремление российских финно-угров к национальному возрождению, проявление этнического Ренессанса вполне понятны и объяснимы. Ведь в условиях всеохватывающей унификации образа жизни, инфляции национально-культурных ценностей, “интернационализации” для финно-угорских народов, в течение длительного времени интегрированных в общую политическую, экономическую, социально-культурную жизнь России, при полном господстве во всех этих сферах одной (русской) нации нависла реальная угроза утери языка, аккультурации, в конечном итоге — полной ассимиляции. Наряду с тем, что это является общей тенденцией в мире, для Советской страны эти процессы были обострены целенаправленной политикой, устремленной к формированию “единого советского народа”.

Именно такова реальная ситуация у всех финно-угорских народов России — не только у тех, которые насчитывают в своем составе всего несколько тысяч или сотен человек, как вепсы или ижора, но и у таких, как семисоттысячные удмуртский и марийский народы, или даже более чем миллионная мордва. Они оказались в зоне риска.

Не подлежит сомнению, что сам факт включенности того или другого народа (даже значительного по численности) в состав государства другой нации влияет на возможности этнического развития. Тем более, показатель большей или меньшей численности имеет при этом важное значение. Малочисленность этноса (в предлагаемом исследовании мы финно-угорские народы условно относим к категории малочисленных) даже при отсутствии прямого насилия и принуждения к ассимиляции оказывает морально-психологическое давление, ведущее к сознательному или неосознанному приспособлению меньшинства к взглядам, образу мысли и жизни, к нормам поведения и морали большинства.¹ Поэтому слова “национальное возрождение” для представителей угро-финс-

ких народов России равнозначны выдвиганию права на выживание, на сохранение своей самобытности, самоценности. Это вопрос их будущего.

Связь между прошлым, настоящим и будущим — это и есть история. Исходя из стремления осветить это, мы обращаемся к этнической истории финно-угорских народов и ее влиянию на современные процессы национального развития.

Внимание представителей различных наук привлекают прошлая и нынешняя жизнь финно-угорских народов в ее разнообразных проявлениях и аспектах, важнейшие этно-политические, социальные, культурно-идеологические, языковые процессы, затронувшие родственные народы на различных этапах их истории и отражающиеся на современном их состоянии.

Проблема развития нерусских народов, межэтнических взаимоотношений в советской (российской) исторической и социально-политической литературе чрезвычайно искажена. Десятилетиями в советской обществоведческой науке и пропаганде насаждались представления о торжестве ленинской национальной политики, о полном и окончательном решении национального вопроса в СССР и установлении нерушимой дружбы и интернационального единства народов (подобная литература в большом количестве издана и на материалах финно-угорских республик и автономных округов). Одновременно категорически отвергались, как клеветнические, фальсификаторские, исследования зарубежных советологов по проблемам национальных отношений в СССР, игнорировались их предупреждения и прогнозы о возможном грядущем взрыве межнациональных противоречий и конфликтов в Советской стране.²

Сейчас, когда эти прогнозы стали трагической реальностью, мы (теперь уже вместе, во всяком случае параллельно — и российские, и зарубежные исследователи) ищем причины кризиса советской (до этого — российской, а теперь снова — российской) национальной политики.

Искажения коснулись не только советского периода, но и многих страниц многовековой дореволюционной истории, в первую очередь таких, как происхождение различных народов, их присоединение к России, национально-освободительные движения, деятельность дореволюционных просветителей, уровень культурно-исторического развития того или другого народа перед революцией и др.

С позиций нового исторического мышления предстоит объективно изучить и обобщить, переосмыслить исторический путь финно-угорских народов, итоги и уроки 75-летнего проведения в жизнь советской национальной политики, в особенности широко пропагандировавшейся и ныне тоже усиленно рекламируемой политики развития малочисленных народов и национальных меньшинств. Также необходимо и уже возможно попытаться подытожить на материалах финно-угорских народов практику пост-советской российской политики в сфере национальных отношений. Как будет показано дальше, начало этому положено не только на уровне сиюминутных политических эмоций (конечно, этого пока больше всего, особенно в связи с возникновением и началом

деятельности национальных движений и организаций), но и на уровне серьезного научного анализа.

Естественно, постановка этих задач предполагает, что главное внимание должно быть обращено на анализ исторических фактов после 1917 года, но вместе с тем исследования, претендующие на научность, не могут ограничиваться лишь советским периодом, а должны быть обращены и к глубинным историческим корням формирования такого феномена, как многонациональность России, к месту, роли, участию финно-угров в развитии Российского государства.

Как бы ни было сильно непреодоленное влияние коммунистической партийно-пропагандистской литературы, история нашей страны (в том числе и в ракурсе поставленной здесь темы) не прервалась в 1917 году и не стала писаться с чистой страницы, отвергнув всё то, что было накоплено до революции. Вопреки устоявшимся традиционным представлениям, становится очевидным, что большевистская политика не была основана на отказе от принципиальной имперской линии царского самодержавия в национальном вопросе, а по существу продолжила её.³ В целом окидывая взглядом всю ретроспективную историю народов России, нельзя не принимать в расчет и сами события, связанные с их вхождением в состав России, и многовековое имперское наследие царизма, когда игнорировались интересы нерусских народов, по отношению к ним проводилась колониальная политика.

Всё это говорит о том, что историография советской национальной политики в отношении угро-финских, как и других народов, не может отрываться от их дореволюционной истории, особенно от рассмотрения вопросов присоединения их к России, формирования России как колониальной империи.

Финно-угорские народы России, как и другие «иностранцы», в течение длительного времени в российской историографии не были предметом специальных научных исследований. В XVIII — первой половине XIX вв. отдельные сведения о них публиковались в общих географических и этнографических описаниях народов Восточной Европы и Сибири, в записках участников Академических экспедиций.⁴ В то же время, с точки зрения формирования Российского государства, события, связанные с завоеванием, покорением, присоединением этих народов, включались в общий контекст исторического повествования Н.М.Карамзиным, и С.М.Соловьевым, и В.О. Ключевским, и другими.

Во второй половине XIX века появились отдельные историко-этнографические очерки, посвященные историческому прошлому и современному (второй половине XIX века) состоянию некоторых народов. Среди них важное место занимает серия книг профессора Казанского университета И.Н.Смирнова о восточно-финских народах: «Черемисы», «Вотяки», «Мордва», «Пермяки»,⁵ удостоенные престижной тогда Демидовской премии и переведенные на французский язык.⁶ В это же время появилось крупное исследование Н.Н.Харузина о кольских саамах (лопарях), удостоенное Золотой медали Русского географического общества.⁷ Несколько значительных публикаций появилось о мордве.⁸

Центральной, стержневой сюжетной линией в таких работах, как правило, было описание приобщения “инородцев” к русской государственности и русской культуре, темпов обрусения, успехов или неудач ассимиляционной политики. Общее, что объединяло чисто исторические и историко-этнографические исследования о нерусских народах — это их русоцентризм. Финно-угры и другие “инородцы” предстают в них не как самостоятельные субъекты истории, а лишь как объекты воздействия русской политики, русской культуры, христианизации и обрусения.

В конце XIX — начале XX вв. у финно-угорских народов (исключая самые малочисленные) зародилась национально-демократическая интеллигенция, стало развиваться просветительское движение. Его деятели свои усилия направляли не просто на распространение элементарной грамотности среди своих соотечественников, но на пробуждение национального достоинства и самосознания. В этом они большое место отводили собиранию и публикации сведений об историческом прошлом родных народов. Из фонда народной памяти они извлекали и делали достоянием общественности исторические мифы, песни, предания, легенды, особенно о родо-племенных богатырях, боровшихся за свободу своих соплеменников, за свободу своей родной земли, против завоевателей. Наряду с этим они большое внимание уделяли собиранию и обобщению сведений о современном им этническом состоянии родных народов, их духовной и материальной культуре, подавая материал в историческом освещении.⁹

Марийцы В.Васильев и П.Глезденев, удмурты И.Михеев и Г.Верещагин, коми Г.Лыткин, мордвин М.Евсеев и другие учителя и священники на волне подъема либерально-демократического движения стали деятелями национальных движений, провозвестниками этнического пробуждения. Их обращенность к исторической мифологии была продиктована не просто интересом к прошлому, а в первую очередь нацеленностью в будущее: если есть у народа прошлая история, зафиксированная в народной памяти, значит, будет у него и будущая история. Вопросы этнической истории, исторические мифы своих народов просветители использовали для исторического обоснования нации, ее места в истории, в общем цивилизационном потоке. Они хорошо понимали, что только сбросив путы навязанного русификаторами комплекса национально-исторической неполноценности, народы могут воспрянуть духом, ощутить свое историческое место среди других. Национальное возрождение идет через осознание народом своей исторической значимости.

Многие дореволюционные российские этнографы и историки, настроенные шовинистически, подтасовывая и тенденциозно подавая факты и наблюдения, пытались доказать “неисторичность” угро-финнов. Вот почему, чтобы показать, что и у этих народов была достойная внимания история, просветители обратились к исторической памяти бесписьменных в прошлом народов. Только через познание собственной истории, через оживление в исторической этнической памяти событий, фактов, вех, имен, достойных национальной гордости, может возродиться любой народ к новому историческому творчеству. Видный марийский просветитель В.М. Васильев отмечал, что в его публикациях в “Мар-

ла календарях” проявилось “осознание народом мари в себе прежде всего человека, человеческого достоинства, былого могущества, оставившего следы в исторической жизни”.¹⁰

На этом фоне в конце XIX — начале XX вв. много было сделано по пропаганде финно-угорского родства. Финские и венгерские ученые часто выезжали в экспедиции к своим восточным родственникам. Особенно большая роль принадлежала в этом созданному в 1883 году Финно-угорскому обществу в Гельсингфорсе, ставшему крупным научным центром. Многие из местных интеллигентов из среды восточно-финских народов, благодаря его влиянию, более углубленно и заинтересованно стали изучать историю, этнографию, культуру своих народов. Известно, что еще под воздействием А.Шегрена занялся собирательской работой один из первых коми ученых Г.Лыткин, внесший затем большой вклад в науку. Характерно признание первого марийского историка Ф.Егорова: на это занятие его подтолкнуло общение с финским исследователем Уно Холмбергом и помощь ему во время его экспедиционной работы среди марийцев по сбору сведений об их верованиях.

После Октябрьского переворота проводилась усиленная работа по внедрению марксистского понимания истории народов, и вместе с тем, некоторое время продолжали действовать старые школы и направления. На основе собранных еще до революции материалов некоторые исследователи в это время написали и издали книги. Например, казанский профессор Н.В.Никольский опубликовал ряд работ по истории и этнографии марийского и других народов Поволжья и Приуралья.¹¹

Репрессирование и высылка за границу в середине 20-х годов коснулись только небольшой группы столичных “буржуазных” историков. На периферии, в частности в финно-угорских автономных областях, их пока не трогали. Почему же к ним было в это время такое терпимое отношение? С одной стороны, в условиях ожесточенной борьбы наверху за власть было, видимо, не до исторической науки, тем более на местах. С другой стороны, правители и их идеологи, надо полагать, еще рассчитывали, что можно переделать, переучить на свой лад старую интеллигенцию.

В 20-х годах советская историография (“школа Покровского”) в вопросе освещения формирования Российской империи, положения в ней нерусских народов занимала вполне определенную позицию. Она показывала насильственное завоевание Москвой нерусских народов. Сам М.Н.Покровский, например, писал: “Великороссия построена на костях “инородцев””.¹² В исторической литературе правдиво отражалось жестокое подавление царскими войсками сопротивления, национально-освободительной борьбы нерусских народов, в частности в Поволжье и Приуралье во второй половине XVI века. Царская Россия в традициях демократической дореволюционной печати образно продолжала называться “тюрьмой народов”.

Правда, при этом уже на рубеже 20-30-х годов начала проявляться односторонность, политическая тенденциозность. Обоснованно отмечая политику закабаления, ущемления национального достоинства “инородцев” в дореволю-

ционной России, историки, которые всё больше становились не учеными, а частью идеологического, пропагандистского аппарата Коммунистической партии, стали видеть и показывать во всей дореволюционной истории страны и её подданных только темные стороны. Уже входило в традицию игнорировать, замалчивать, что в отдельных моментах в состоянии нерусских народов имелись, особенно в последние десятилетия XIX и в начале XX века, определенные позитивные изменения. В частности, это касалось так называемой “системы Ильминского” по обучению детей “инородцев” Поволжья, Урала, Сибири на родных языках. Она стала характеризоваться исключительно отрицательно, как реакционная, миссионерская, русификаторская. Конечно, в основе этой системы лежали русификаторские, христианизаторские цели. Но объективно, независимо от цели, с какой был допущен в школы родной язык, сам по себе этот фактор сыграл весьма положительную роль в распространении элементарной грамотности, образования, в подготовке первых учителей, как зачатка национальных отрядов интеллигенции из среды финно-угорских народов.

Впрочем, отрицание возможности чего-либо положительного в дореволюционной истории было характерно больше для молодых кадров, вступавших в науку под марксистскими знаменами. А параллельно еще продолжала развиваться линия, представленная старой интеллигенцией. В 20-х годах образованные люди из среды самих финно-угорских народов (это именно те, кого можно назвать продуктом “системы Ильминского”), включившиеся в просветительское движение еще до революции, теперь ставшие “внутренними эмигрантами”, большое внимание уделяли изучению и пропаганде истории, языка, народного творчества, национальной культуры. В целом разделяя оценку дореволюционной России как “тюрьмы народов”, они положительно писали о “системе Ильминского”, о первых шагах родной литературы, сделанных до революции. В исторической науке их усилиями значительно продвинулось изучение этнической истории финно-угорских народов. При этом в их творчестве важным был отход во многих отношениях от русоцентристских позиций. Русоцентризм был значительно ослаблен, национальные историки пытались писать историю своих народов не так, как это видится из Москвы, глазами русского человека, а с позиций собственных народов.¹³

В 20-х годах национальная политика в СССР имела немало положительных аспектов. Хотя тогда проводилась усиленная работа по марксистско-ленинскому перевоспитанию интеллигенции, все же старые “буржуазные” кадры использовались в просвещении и культуре. Они воспользовались этими возможностями, чтобы изучать и пропагандировать историю, культуру, этнографию, фольклор родных народов.

В финно-угорских регионах России тогда стали успешно работать научные общества по изучению этнографии, культуры, языка, истории своих народов и даже предпринимались шаги по их объединению. В Ленинграде плодотворно начало действовать Общество исследователей культуры финно — угорских народностей (ЛОИКФУН), в 1929 году оно издало содержательный сборник статей.¹⁴

На рубеже 20-30-х годов, укрепившись у власти, Сталин и его сподвижники протянули руки и к науке, в том числе к исторической. К тому же дополнительным условием этого было и то, что к этому времени в наличии имелись уже и свои кадры, выращенные в духе марксизма-ленинизма, “пролетарского интернационализма”. В условиях полного подчинения науки в СССР политике и идеологии в изучении истории и тогдашнего состояния нерусских народов был сделан большой попятный шаг. Тогда прозвучали призывы к борьбе с местным “буржуазным национализмом”. Исследования по истории народов оказались под запретом как “националистические”, стали писать только историю соответствующих территорий. Был нанесен серьезный удар по развитию и укреплению духовного единства родственных народов: наложен запрет даже на само упоминание о родстве восточных финно-угров с финнами, эстонцами, венграми, как на проявление “панфинизма”.

Например, в докладе Марийского обкома ВКП(б) на областной партийной конференции в 1934 году с возмущением говорилось о “пропаганде финно-угорской общности” как проявлении “буржуазного национализма” и “панфинизма” в преподавании истории и языка в пединституте: “При преподавании марийского языка изучается история народности мари, происхождение марийского языка. Где логика? Прежде чем учить языку, преподносят историю народности. Я не говорю, что историю марийцев изучать не надо. Нужно изучать, но в определенном размере. Но когда преподаватель преподносит в своей программе сначала историю, а потом переходит к языку, о чем это говорит? Это говорит о попытке внедрить буржуазную точку зрения в самосознание учащихся. А как преподается история мари, марийского языка? Увязывается вопрос марийского языка с другими, говорится о родственной связи мари с финнами, венгерцами и т.д. и т.п. Под каким соусом преподносится рассуждение о таких вещах? Мы не можем допустить, чтобы кафедры высшей школы превратить в кафедры пропаганды буржуазных мнений или людей, которые отражают линию контрреволюционных интеллигентов. За это надо спросить строго”.¹⁵

И спросили. Такие “враги народа”, “буржуазные националисты” были репрессированы в большинстве как агенты Финляндии, а некоторые — Эстонии и Венгрии.

Репрессии против национальной интеллигенции в финно-угорских автономных областях, ратовавшей за возрождение своих народов и за установление тесных связей с родственными народами, развернулись уже в начале 30-х годов. К сожалению, приходится констатировать, что в финно-угроведении борьба с “буржуазным национализмом” и шпиономания начались раньше в сравнении с научными направлениями, связанными с изучением других народов. В центральной печати появилась серия погромных статей.¹⁶ Сборник ЛОИКФУН, изданный в 1929 году, обозначенный как “вып. 1”, оказался первым и последним, в 1931 году деятельность Общества была прекращена.

Коммунистическая фракция совета Общества историков-марксистов работала “Тезисы”, в которых среди других задач марксистской исторической науки по борьбе с буржуазной историографией и укреплению связей историчес-

кой науки с задачами строительства социализма было названо “создание истории народов СССР руками научно-исторических сил самих этих народов”, ибо это послужит делу борьбы как с великорусским шовинизмом, так и с местным национализмом.¹⁷

Приведенная цитата сейчас может некоторых читателей ввести в заблуждение, создать впечатление заботы о национальных научных кадрах. Но дело в том, что еще В.И.Лениным было введено своего рода “разделение труда”, о котором часто напоминал И.В.Сталин: борьба с национализмом в среде того или иного народа является задачей в первую очередь коммунистов (и других “передовых” представителей) этой национальности. Именно своими же молодыми, начинающими историками-марксистами были тогда подвергнуты разностной критике в Марийской автономной области историк Ф.Е.Егоров, этнограф Т.Е.Евсеев, В.М.Васильев, ученый широкого профиля, исследовавший духовную культуру родного народа, книги их были изъяты, а сами они арестованы. Было сфабриковано так называемое “дело федералистов”, по которому названные ученые и еще несколько “буржуазных” специалистов, лучших представителей национальной интеллигенции (в их числе талантливый организатор народного образования Л.Я. Мендиаров, написавший в заключении по требованиям следователей настоящий научный трактат по истории национального движения и общественной мысли марийского народа и о финно-угорских связях) были осуждены за то, что якобы стремились отделить финно-угорские территории от СССР и присоединить их к Финляндии или, как минимум, образовать Финно-угорскую Федерацию под протекторатом Финляндии.¹⁸

В 1932 году разразилось дело “СОФИН” (Союза освобождения финских народностей), где в основном фигурировала удмуртская интеллигенция во главе с выдающимся поэтом мирового уровня и ученым Кузубаем Гердом.¹⁹ Даже с трибуны Конгресса Коминтерна были осуждены “финские фашисты”, якобы стремившиеся создать “Великую Финляндию” от Скандинавии до Западной Сибири. Заклинания в печати о “финской экспансии”, о “фашистской Финляндии”, “дела” о “финских шпионах” были своего рода “артподготовкой” в преддверии задуманной захватнической войны против Финляндии и преследовали цель психологической подготовки общественного мнения.

Реанимация русского великодержавия в исторической науке была в полной мере осуществлена после “Замечаний” И.В.Сталина, С.М.Кирова и А.А.Жданова на учебник по истории (написаны в 1934 году, опубликованы в начале 1936 года) и “Постановления жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3-го и 4-го классов по истории СССР”.²⁰ И именно в том же году, когда писались “Замечания”, на XVII съезде ВКП (б) Сталин в своеобразной форме поменял ориентиры в борьбе с “уклонами” в национальной политике. “Какой уклон представляет главную опасность? Главную опасность представляет тот уклон, против которого перестали бороться и которому дали, таким образом, разрастись до государственной опасности”. А из всего контекста следовало, что перестали бороться с местным национализмом. Впрочем, Сталин это тут же разъяснил: на Украине, например, где перед этим только что

была “разгромлена” “националистическая группа” Скрыпника, украинский национализм стал главной опасностью. Более того: “Многие думают, что грехопадение Скрыпника есть единичный случай, исключение из правила. Это неверно. Грехопадение Скрыпника и его группы на Украине не есть исключение. Такие же вывихи наблюдаются у отдельных товарищей и в других национальных республиках”.²¹ Указание было принято однозначно: везде в республиках и автономных областях при обсуждении итогов съезда решили, что теперь главной опасностью и у них стал местный национализм, в том числе и в освещении истории. Сам термин “великодержавный шовинизм” исчезает из политического и историко-научного лексикона, соответственно — завещанная В.И. Лениным борьба с этим явлением предается забвению, лозунг интернационализма лишается своего внутреннего смысла. Как образно отмечается в современной историографии, произошла “подмена Бога мировой революции Богом русской истории”.²²

Репрессии конца 30-х годов полностью ликвидировали первое поколение национальной интеллигенции финно-угорских народов, в том числе историков, археологов, этнографов, языковедов по обвинению в “буржуазном национализме” и “панфинизме” именно за то, что они исследовали историю, фольклор, язык и национальную культуру своих народов, подчеркивали их историчность, самобытность, героическое прошлое, сопротивление завоевательской и русификаторской политике, отмечали финно-угорское родство и необходимость единства и более тесных культурных связей родственных народов.

На смену им были выдвинуты выращенные к этому времени через советские вузы, в первую очередь через Коммунистический университет народов Востока, Коммунистическую Академию, Институт Красной Профессуры, новые “интеллигенты”, в том числе этнографы и историки, с колонизированным сознанием и необходимой марксистско-ленинской закалкой, абсолютно лояльные к Системе. История финно-угорских народов (вернее — их территорий) стала писаться с четко выраженных классовых, партийно-коммунистических позиций.

В то же время произошел новый этап развития и укрепления русоцентристских позиций. До этого, в 20-х годах, они были значительно ослаблены, национальные историки сделали заметный шаг в сторону отказа от них и пытались писать историю своих народов не так, как это видится из Москвы, глазами русского человека, а с позиций своего народа. Теперь, с конца 30-х годов, это стало считаться большим криминалом.

Яркий пример этого — центральная тема всего исторического прошлого — присоединение финно-угорских народов и территорий к Русскому государству. В 20-х — начале 30-х годов эти события рассматривались и оценивались как завоевания со всеми тяжкими, отрицательными последствиями для коренных народов покоренных земель, т.е. как абсолютное зло. В середине 30-х годов Сталин предложил считать их относительным, “наименьшим злом”. Если бы, мол, эти народы не были присоединены к России, они были бы захвачены другими, более “реакционными” государствами, как немецкие и шведские кресто-

носцы, Турция и т. д. И вообще, оказывается, Россия захватнических войн никогда не вела, а вела только оборонительные войны, в ходе которых ее территория расширялась до естественно-географических пределов.

А историки с разгромом “школы Покровского” стали приспособливать исторические факты к этим новым сталинским концепциям, углубляя их в том смысле, что это даже вроде бы и не было вообще “злом” (пусть “меньшим” или “наименьшим”), а было “добром”, т.е. положительным, прогрессивным явлением во всех отношениях. А территориальное оформление Российского государства в тех размерах, которые сложились к XX веку, было простым расширением до естественных пределов. Если уж такое стали говорить и писать о “приобретении” Кавказа и Средней Азии, то, в первую очередь, это коснулось финно-угорских территорий. Новый момент в соответствии с новыми методологическими установками проявился в словесном оформлении: вместо “присоединения” стали писать о “расширении Русского государства” и в этом контексте рассматривать завоевание и покорение финно-угорских народов Поволжья, Приуралья Севера и Сибири.²³

А пока в конце 30-х годов вообще эта тема, как и вся дореволюционная история конкретных народов, за исключением сюжетов об участии в “крестьянских войнах”, в революции 1905-1907 годов и других проявлений классовой борьбы, отошла в тень. По партийному требованию, приближения общественных, гуманитарных наук к жизни, к практике социалистического строительства, первоочередного внимания к современной жизни вообще главное внимание стало сосредотачиваться на революции, деятельности большевистской партии и её местных организаций, строительстве социализма. Эталонами трактовки исторических событий стали оценки, изложенные в “кратком курсе” “Истории ВКП(б)”. Все события на местах, во всех национальных регионах, в описаниях историков лишились каких-либо местных, национальных особенностей, стали подгоняться под общесоюзную схему.

В историко-этнографических разысканиях стал преобладать голый эмпиризм, без глубоких обобщений особенностей исторического развития и этнических процессов у различных народов. Безусловно, и такие работы, целью которых было обнаружение добытых в полевых экспедициях материалов, тоже имели свое значение, но они были явно недостаточны и ограничены по своим потенциальным ресурсам для создания обобщающих работ по этнической истории финно-угорских народов.

Еще в 20-х годах партийные интеллигенты, активные участники революции и создания советских автономных образований финно-угорских народов, стали писать статьи и брошюры на темы революционного движения, установления Советской власти и социалистического строительства на соответствующих территориях. В каждой республике и автономной области к 5-й, 10-й, 15-й годовщинам их провозглашения издавались юбилейные сборники, в которых дореволюционной истории отводилось лишь несколько страниц, в основном для отрицательного контраста с тем, что затем изображалось в последующем изложении. Те исторические события и факты, которые не укладывались в за-

ранее составленную схему, замалчивались. А надо иметь в виду, что именно эти книги были тогда массовым чтивом и определяли формирование общественной психологии, массового исторического сознания.

До середины 30-х годов в таких изданиях и в других книгах, посвященных революционному движению, установлению Советской власти и образованию автономий, были живые люди. После 1937 года эти главные исторические сюжеты в республиках стали практически безымянными, потому что активные участники описываемых событий, многие из которых еще недавно сами были авторами публикаций на эти темы, оказались репрессированными как “враги народа”, “буржуазные националисты” и “финские шпионы”. В исторической литературе важное место занял сюжет о “буржуазных националистах”. При этом самым несуразным было то, что их имена практически нигде не назывались, в чем заключался этот самый “буржуазный национализм” — не показывалось. Это был своего рода закодированный знак, в адрес которого метались стрелы гнева. Вся социально-политическая и культурно-идеологическая история национальных районов, начиная с конца XIX века (а именно с этого времени начинается история по “Краткому курсу”), оказывается, была борьбой большевиков во главе народных масс против “буржуазных националистов”.

Вся подлинная история национально-освободительного подъема финно-угорских народов начала XX века, демократический этап революции 1917 года и деятельность демократической национальной интеллигенции стали предметом самой беззастенчивой фальсификации. Это неизбежно сопровождалось выпячиванием деятельности большевистских организаций. Но при этом умалчивалось, что эти организации в финно-угорских регионах были почти исключительно русскими по своему составу. Только в южных портовых городах Финляндии и в Таллине, да в самом Петрограде имелись более или менее значительные группы большевиков из финнов и эстонцев. И еще почему-то среди венгерских военнопленных было заметным большевистское влияние. Среди марийцев, удмуртов, коми, карел, мордвы большевики насчитывались буквально единицами. А выходцев из более малочисленных народов (ханты, манси, вепсы и другие), наверное, в рядах большевиков не было ни одного человека.

Да и нельзя было всего этого не утаивать: ведь утверждалось, что все нерусские народы единодушно поддерживали большевиков, боролись за Советскую власть. Особенно фальсифицировались или замалчивались антибольшевистские восстания национального крестьянства при комбедах и продразверстке, при проведении коллективизации.

В Советском Союзе в послевоенные годы на волне борьбы с “космополитизмом”, пропаганды концепции “великого русского народа” и псевдопатриотизма до логического конца был доведен принцип русоцентризма в освещении истории народов и их взаимоотношений. Нерусские народы страны по существу вновь оказались в исторической и социально-политической литературе (как и в трудах дореволюционных авторов) не полноценными субъектами исторических процессов. А они вроде бы существовали в историческом пространстве и времени только в их взаимосвязи и взаимодействии с русским народом, с

Россией, всегда несшей мессианскую миссию, распространявшей вокруг себя всё только исключительно хорошее, прогрессивное. Может быть, в порядке исключения можно рассматривать отдельные значительные труды энтузиастов, появившиеся даже в тот период, вопреки общей смутной атмосфере, как, например, труд Д.В. Бубриха “Происхождение карельского народа” (Петрозаводск, 1947). Вообще филологи тогда значительное внимание уделяли предыстории и древним этапам истории финно-угров, дополняя лингвистические сведения данными археологии, этнографии, древних письменных источников.

Начало разгулу шовинизма в исторической науке было положено “дискуссией” о движении Шамиля. “Школа Покровского” в свое время тщательно избегала смешивания понятий “Россия” и “русский царизм” и не считала борьбу против захватнической, колониальной политики русского царизма направленной против России как таковой и против русского народа. Теперь знаки совершенно поменялись: против царских завоеваний, расширявших Россию и способствовавших её дальнейшему возвышению, — значит, против России, против русского народа. Так национально-освободительная война народов Кавказа против российских завоеваний была объявлена реакционной, к тому же инспирированной Англией и Турцией, а Кавказская война русского царизма, истребительная в отношении кавказских народов, стала трактоваться как справедливая. По свидетельству А. Некрича, член-корреспондент Академии наук СССР Н.М. Дружинин тогда заявил: “Если стать на точку зрения докладчика, следует признать всякое национально-освободительное движение в пределах царской России реакционным, что совершенно недопустимо”.²⁴

Но именно так и случилось. Такое советской исторической науке было навязано. По цепной реакции началась кампания борьбы с “проявлениями буржуазного национализма” в исторической науке. В Удмуртской и Марийской АССР (равно и в Татарии) реакционными движениями местных феодалов, инспирированными из Турции, были названы национально-освободительные восстания второй половины XVI века, последовавшие за военным разгромом и захватом Иваном Грозным Казанского ханства.²⁵

Вопрос об этих национально-освободительных движениях в сущности является производным от более общей проблемы присоединения финно-угорских народов к Русскому государству. Теперь настала очередь довести до логического завершения дилемму между “добром” и “злом” в оценке этих событий. В 1951 году была организована публикация серии статей в журналах и газетах об исключительно прогрессивном значении присоединения Средней Азии, Казахстана, Кавказа к России. Между тем сталинская формулировка о “наименьшем зле” оставалась неотменной. О ней решила напомнить М.В. Нечкина. Её письмо “К вопросу о формуле “наименьшее зло””, напечатанное в журнале “Вопросы истории”,²⁶ вызвало довольно оживленную дискуссию. В ходе нее окончательно утвердилась “истина”, что присоединение к России для всех народов — это никакое не “зло” (пусть даже “наименьшее”), а это благо, абсолютное добро. Определенным образом, за которым надо было следовать, в этом отношении стала статья куйбышевского историка К.Я. Някшина о присо-

единении народов Поволжья в журнале “Вопросы истории”.²⁷ Историки стали показывать эти события как абсолютное добро, стремились доказывать во всех случаях добровольный характер присоединения восточных финно-угорских народов к России и акцентировать внимание исключительно на прогрессивном его значении. А для западных, прибалтийско-финских народов еще со времен войны главным сюжетом исторических повествований о древности и средневековье стала их совместная с русскими борьба против немецкой и шведской агрессии на восток. В то же время о русском проникновении на северные и северо-западные финно-угорские земли были только общие рассуждения о “мирной колонизации” свободных, “пустых” земель.

В 1952 году на Ученом совете Института истории Академии наук СССР была подвергнута разгрому книга якутского историка Г.И.Башарина о якутских просветителях. После этого и марийские, удмуртские, мордовские и иные просветители (как мариец П.П.Глезденев, удмурт И.С.Михеев и др.) стали числиться исключительно по разряду реакционеров. И никто в республиках уже не осмеливался писать что-либо положительное о своих национальных дореволюционных просветителях, об осуществлении на практике “системы Ильминского”.

Хрущевская “оттепель” на развитие исторической науки в СССР оказала большое влияние, но практически внесла мало изменений в написание этнических историй финно-угорских народов, о чем свидетельствуют “Очерки истории” автономных республик, изданные в конце 50-х — середине 60-х годов. Главное, чем они отличались от предшествовавших публикаций — они наполнились многими фамилиями реабилитированных конкретных активных исторических деятелей периода революции, образования автономий и первых лет Советской власти. Но это было сделано выборочно. Национальные деятели того времени историками были разделены на две группы: революционно-демократическую и буржуазно- националистическую, борьба между которыми и составляла якобы главное содержание тогдашних событий. Следовательно, подавляющее большинство просветителей — первого поколения национальной интеллигенции финно-угорских народов — не попали в число “положительных героев” истории. Исторические и историко- этнографические труды 20-х годов не были возвращены в научный оборот. За ними так и остался ярлык буржуазно- националистических. А правильными продолжали считаться только работы строго марксистско- ленинского направления.

Соответственно этому, прежней осталась трактовка всех основных этапов и событий этнической истории, присоединения финно-угорских народов к России, национально-освободительных движений, просветительства. Принципиальным недостатком было то, что, как отмечалось в историографической литературе, “в трудах по истории Коми, Карельской, Мордовской, Чувашской и Марийской АССР национальные, исторические и социально-экономические условия не анализируются”.²⁸

Значительное продвижение было осуществлено в изучении этногенеза и ранней этнической истории ряда народов (научные сессии о происхождении мордовского и марийского народов).²⁹ Крупным, этапным событием было по-

явление книги “Вопросы этнической истории эстонского народа” (Таллинн, 1956), в которой рассмотрены также многие проблемы, касающиеся, кроме эстонцев, и других прибалтийско-финских народов. Большое значение в накоплении материалов для изучения этногенеза и ранней этнической истории имели широкие археологические работы в финно-угорских регионах, исследования по топонимике. Именно в этом можно видеть хороший пример плодотворных итогов комплексных подходов.

Непосредственно по этнической истории некоторых народов были выполнены крупные индивидуальные монографические исследования.³⁰ В числе первых по стране мордовский народ подвергся комплексному описанию.³¹

Еще в 30-х годах, когда в СССР был наложен запрет на пропаганду финно-угорского родства, в независимых финно-угорских странах — Финляндии, Венгрии, Эстонии — ежегодно проводились “Дни родственных народов”, различные научные конференции, международные встречи по проблемам культуры финно-угров, издавались книги, журналы, сборники материалов (в основном филологического характера). Но в Советском Союзе тогда об этом даже не упоминалось. А затем и в Эстонии, в связи с ее аннексией Советским Союзом, и в Венгрии, в связи с ее превращением в советского сателлита, такие мероприятия культурно-научного характера, объединяющие финно-угорский мир, перестали проводиться. Но научная истина все-таки пробивалась. Тем более в связи с названными выше обстоятельствами и с установлением добрососедских отношений с Финляндией после второй мировой войны уже не было необходимости в запрете на тему о финно-угорском родстве.

Но потребовалось еще довольно значительное время, а главное — потребовалась хрущевская “оттепель” в идеологической жизни, чтобы были сделаны реальные шаги по налаживанию в СССР исследований по финно-угроведению, по пропаганде финно-угорского родства. В 1958 году в Ленинграде состоялось совещание, на котором было принято решение о проведении регулярных научных конференций по финно-угорскому языкознанию.³² В 1960 году в Будапеште состоялся первый Всемирный конгресс финно-угроведов. С тех пор с интервалом в пять лет стали проводиться (поочередно по кругу в трех странах с финно-угорским населением — Венгрии, Финляндии, СССР) такие крупные международные научные форумы: в 1965 году — в Хельсинки, в 1970 — в Таллине, в 1975 — снова в Будапеште, в 1980 — в Турку, в 1985 — в Сыктывкаре, в 1990 — в Дебрецене, в 1995 году — в Ювяскюля. (Девятый международный конгресс финно-угроведов в 2000 году решено провести в Эстонии, вновь обретшей независимость). Параллельно стали устраиваться и Всесоюзные научные конференции финно-угроведов (последняя, XVII, состоялась в Ижевске в 1987 году). Первоначально носившие лингвистический характер, международные конгрессы и всесоюзные конференции вскоре стали рассматривать и вопросы литературоведения и фольклора, что значительно расширило историко-культурное обозрение этнического развития родственных народов, а в 70-х годах расширили свою тематику за счет обращения к проблемам археологии и этнографии.

С 1965 года в Таллине начал издаваться научный журнал “Советское финно-угроведение” (его основателем и главным редактором вплоть до конца своей жизни являлся выдающийся ученый Пауль Аристэ). Хотя журнал с самого начала был ориентирован на лингвистику (причем не только на финно-угорскую, а шире — на уральскую, т.е. с охватом и самодийских языков), но в некоторых номерах публиковались и материалы по фольклору, этнографии финно-угорских народов.

В 80-х годах количественно финно-угорские исследования развивались. Были изданы “Истории” автономных республик, на основе переработки соответствующих “Очерков истории”. В плане показа этнической истории коренных народов этих республик они ничего нового не дали, скорее наоборот — в некоторых отношениях в этих книгах, вышедших в свет на излете “застойных” лет, был сделан шаг назад в сравнении с “Очерками”, которые при всех своих недостатках все же были детищами “оттепели”. В них исторические события по-прежнему, в основном, подгонялись под общесоюзную схему, национально-региональные особенности не выявлялись. В этот период были написаны и изданы коллективные монографии о некоторых народах.³³ Для своего времени сам факт обобщения совокупного материала об отдельных народах имел важное значение, несмотря на уязвимость методологических позиций.

В связи с проведением У Международного конгресса финно-угроведов была опубликована обзорная статья Ю.В.Бромлея, В.В. Пименова, Н.В. Шлыгиной о современных этнических процессах у финно-угорских народов СССР(34). Она затем в расширенном виде (с добавлением в качестве соавтора З.П.Соколовой) вновь была напечатана в 1986 году.³⁵ Тогда же заметным явлением стал выход книги “Народы Поволжья и Приуралья”³⁶, в число которых, во изменение сложившихся традиций, были включены, наряду с мордвой, марийцами и удмуртами, и такие финно-угорские народы, как коми и коми-пермяки.

В конце 80-х — начале 90-х годов начался важный этап в истории финно-угорских народов — этап национального пробуждения; стали создаваться национально- демократические движения и организации (“Коми котыр”, “Марий Ушем”, “Масторава”, “Спасение Югры” и др.). Это, естественно, привело к оживлению внимания к истории и культуре народов. Тревога за будущность побудила обратить более внимательный исследовательский взор в прошлое, на исторический путь этносов от их рождения до сегодняшнего состояния. Начался этап нового прочтения, переосмысления и написания национальных историй финно-угорских народов на основе освобождения от марксистско-ленинских догм, классового подхода, от фальсификаций русоцентризма. Изданы сборники статей, монографии, брошюры.³⁷ Новый период характеризовался организацией и проведением ряда важных научных конференций по проблемам истории и современного этнического состояния российских финно-угров. В этом ряду особо следует отметить состоявшееся в 1988 году межрегиональное совещание по проблемам этно-культурного развития вепсов и издание книги с его материалами.³⁸ В 1988 году в Ленинграде были восстановлены традиции коллективных обсуждений финно-угорской проблематики, возобновились финно-

угорские чтения, которые стал проводить Государственный музей этнографии народов СССР.³⁹

В новых условиях было обращено внимание на некоторую лингвистическую односторонность финно-угроведения, хотя на последних Международных конгрессах и Всесоюзных конференциях ставились также доклады по этнографии и археологии. Общей историко-культурной характеристике народов этой семьи уделялось недостаточно внимания. Да и в лингвистике преобладал сугубо академический подход подробного описания частных характеристик языковых фактов, без широкого этно-лингвистического анализа жизни и функционирования финно-угорских языков как живых организмов, имеющих будущее. Стало очевидным, что в современных условиях, когда на повестку дня всего существования финно-угров России выдвинулись проблемы их этнического возрождения и укрепления культурного сотрудничества как гаранта их будущего, финно-угроведение должно развиваться в сторону расширения своих функций, чтобы не только отмечать языковые корни родства, но и находить новые аспекты, сближающие наши народы.

В последнее время это уже стало реализовываться на различных международных встречах ученых, изучающих этногенез, этническую историю, язык, быт, культуру финно-угорских народов. Об этом свидетельствует тематика научных конференций.

В 1991 году в Сыктывкаре проведена Всесоюзная научная конференция “Развитие советских финно-угорских народов: история и современность”,⁴⁰ в Йошкар-Оле — по проблемам этнопедагогики и культуры родственных народов; в 1992 году в г.Сомбатхее — “Пути уральских народов к политической, языковой, культурной автономии”,⁴¹ в Тарту — “Финно-угорские меньшинства в меняющемся мире”. В мае 1992 года в городе Ижевске состоялась первая Всероссийская конференция финно-угорских народов. В докладах и выступлениях на ней так или иначе присутствовал исторический материал. 30 ноября 1992 года, накануне открытия первого Всемирного конгресса финно-угорских народов, в Сыктывкаре состоялся международный “круглый стол” на тему “Этнополитическая ситуация в финно-угорских регионах”.

Полностью проблемам этнической, социально-культурной истории финно-угорских народов был посвящен первый международный конгресс “Historia Fenno-Ugrica” (Оулу, июнь 1993), богатый материал которого изложен в двухтомном издании с таким же названием в 1996 году.

До периода перестройки для зарубежных ученых (кроме Карелии для финнов) другие финно-угорские территории практически были закрыты. Но даже в тех условиях некоторые исследователи осуществили крупные научные изыскания по этно-культурной истории российских финно-угров и самодийцев. В этом смысле особенно выделяется работа венгерского ученого Петера Домокоша о становлении и развитии литератур малочисленных уральских народов.⁴² При этом литературные процессы автор рассматривает на широком культурно-историческом фоне. Когда обстановка изменилась, наиболее продуктивно открывшимися возможностями международного научного общения первым восполь-

зовался финский этно-социолог Сеппо Лаллукка. Он провел глубокое историко-социологическое исследование о восточно-финских народах (мордва, мари, удмурты, коми, коми-пермяки), основные результаты которого были сначала изложены в ряде статей⁴³, а затем — в обстоятельной монографии⁴⁴, получившей хорошие отзывы в научной периодике.⁴⁵ В отличие от советских исследователей того времени, С.Лаллукка без утайки писал об интенсивных процессах ассимиляции, эрозии национальных культур, утере позиций родных языков у восточно-финских народов. Из своих наблюдений автор сделал вывод, что наиболее критическая ситуация сложилась у коми-пермяков, поэтому решил исследовать проблемы этого народа отдельно, что тоже завершилось изданием книги⁴⁶, которая уже обратила на себя внимание.⁴⁷

В эти же годы ряд серьезных этно-демографических и этно-географических публикаций о финно-угорских народах России осуществил эстонский исследователь Хено Сарв.⁴⁸

Народы Поволжья, в том числе мари, мордва, удмурты, в историческом освещении (особенно в XVII веке, когда наглядно проявились противоречивые последствия присоединения этих народов к России), стали давно предметом углубленного исследовательского внимания Андреаса Каппелера.⁴⁹

Конец 80-х — начало 90-х годов ознаменовались заметным усилением интереса исследователей как в СССР, так и на Западе, к народам Севера и Сибири, к которым из финно-угорских народов относятся саами, ханты и манси, а также самодийские народы (ненцы, энцы, нганасаны, селькупы). Внимание к ним вполне понятно. При свете гласности обнаружилось их трагическое положение. Советским (российским) исследователям к новой ситуации в науке, к своему положению в новых условиях привыкнуть оказалось очень трудно. От апологии советской национальной политики в отношении малых народов⁵⁰ к более объективному освещению положения исследователи переходили очень сложно. Можно отметить лишь несколько журнальных статей, в которых сделана попытка рассмотреть ситуацию с новых позиций.⁵¹ Кроме того, как крик “караул” в темную ночь, прозвучали несколько публицистических выступлений представителей самих этих народов.⁵² Но общеисторические монографические научные исследования по этой проблеме, как и в предшествовавшие времена, в России не появились. В отличие от этого можно назвать примечательные своей фактографической насыщенностью и глубокими обобщениями книги, изданные в последнее время на Западе, среди которых прежде всего выделяются работы шотландского ученого Джеймса Форсайта⁵³ и Юрия Слезкина из США.⁵⁴

Большую заинтересованность в обращении к этнической истории и современному состоянию финно-угорских народов России проявил Институт Яана Тыниссона: в сентябре 1992 года он провел в Таллине конференцию “Финно-угорские народы и Россия”, в октябре 1993 года — конференцию “Финно-угорские меньшинства в меняющемся мире”. На их основе издан содержательный сборник статей.⁵⁵ При участии этого Института и ученых из Венгрии в апреле 1992 года в поселке Лянтор Ханты-Мансийского автономного округа состоя-

лась Международная научно-практическая конференция “Пути выживания народов ханты и манси”, материалы которой изданы в 1993 году.⁵⁶

В 1994 году в Мурманске состоялась научная конференция по проблемам истории и современной жизни саамов (и на их примере вообще о малочисленных народах Севера), а в местечке Мазирбе (Латвия) была проведена Международная научная конференция “Ливы и их культура: теория и практика сохранения языка и культуры малых этнических групп”.⁵⁷ В том же году в финском городе Каусала состоялась Международная научная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения одного из основателей финно-угроведения — А.И.Шегрена — “Идентитет и национальная историография в северо-восточном Балтийском регионе”.⁵⁸

В 1995 году финно-угорская тематика была предметом обсуждения на отдельных заседаниях крупных международных конференций. В Кёльне на конференции “Национализм и регионализм в Российской Федерации” были заслушаны доклады Ксенофонта Санукова “Национальные движения среди малых народов Средней Волги (мари, чуваша, мордва, удмурты)” и финского ученого Пекка Кауппала “Die Republiken Karelien und Komi auf der Suche nach nationaler Identität und internationaler Beziehungen”.⁵⁹ В Варшаве на пятом Всемирном конгрессе по изучению Центральной и Восточной Европы состоялось отдельное панельное заседание по обсуждению проблемы истории финно-угорских народов России в XX столетии, на котором с докладами выступили Сеппо Лаллукка (Хельсинки), Ксенофонт Сануков (Йошкар-Ола), Юрий Шабаев и Игорь Жеребцов (Сыктывкар).

Широкими научными дискуссиями, “круглыми столами” по проблемам истории и современного культурно-языкового состояния финно-угров России сопровождались проведенные в последние годы, начиная с 1989 года, международные встречи писателей,⁶⁰ международные фестивали фольклора родственных народов.

Примечательными с этой точки зрения стали и встречи финно-угроведов. В связи с “перестройкой” и распадом СССР такие общие встречи с 1987 года, после 17-й Всесоюзной конференции, не проводились. По инициативе созданного в Йошкар-Оле Научного центра финно-угроведения было решено возобновить такие форумы. Научная конференция, названная первой Всероссийской, состоялась в ноябре 1994 года. На ней, в отличие от предыдущих Всесоюзных, шире были представлены археологи, культурологи и впервые была отдельно выделена секция истории финно-угорских народов.⁶¹

По такому же пути расширения функций финно-угроведения пошел и оргкомитет Международного конгресса, состоявшегося в августе 1995 года в финском городе Ювяскюля.⁶² Конечно, наиболее широко и разносторонне там традиционно было представлено языкознание. Ведь финно-угорская общность — это прежде всего языковое родство. Поэтому ученые, изучающие языки родственных (не только финно-угорских, но также самодийских) народов, работали в нескольких секциях: фонология и морфология (с двумя подсекциями), синтаксис и семантика, лексикология и ономастика (с двумя подсекциями), языковые контак-

ты и современное состояние языков. В то же время конгресс знаменовал широкое равноправное включение и других наук в комплекс финно-угроведения. Об этом можно судить даже по названиям секций: этнология, фольклористика, верования, народная музыка, новое историческое состояние, литература и идентитет, литературные связи и фольклор, теория и интерпретация, археология, антропология.

Научный центр финно-угроведения в 1994 году начал издавать в Йошкар-Оле научный журнал “Финно-угроведение”, редакция которого в первом номере известила о своем стремлении придерживаться более широкого, комплексного понимания этой области научного знания по сравнению с традиционно сложившимися представлениями.⁶³

Таким образом, научная общественность на практике реализует расширение функций финно-угроведения, имеющего глубокие исторические корни и традиции.

На новом этапе общественного развития, в условиях исторической гласности и снятия цензуры с исторических исследований и публикаций, стало возможным обратиться к ранее запретным трагическим страницам истории. Это прежде всего касается политических репрессий 30-х годов. Эта тема стала освещаться и на материалах финно-угорских народов.⁶⁴ В последнее время немало появилось публикаций о депортированных народах, но в их число долгое время не попадали ингерманландские финны,⁶⁵ которые фактически оказались первыми в этом трагическом перечне. И реабилитирован этот народ был не вместе с остальными, а с большой “оттяжкой” во времени. Хотя в западной литературе, оказывается, об этом писали сравнительно давно,⁶⁶ у нас подобные публикации появились только в последнее время.⁶⁷

Самым новым и, наверное, самым крупным на сегодняшний день комплексным исследованием финно-угорских народов (с включением в большой объем и вышеупомянутой проблемы) стала коллективная монография о прибалтийско-финских народах⁶⁸, авторами которой выступают финские и эстонские ученые и представители самих этих народов. Можно надеяться и необходимо стремиться, чтобы подобная работа была написана также и о восточных народах угро-финской семьи.

Наряду с активизацией научных исследований, характерной чертой последних лет стало широкое распространение любительских публикаций на исторические темы, о прошлом финно-угорских народов. В них на новом историческом витке возрождается мифологизированная история. Это тоже в общем-то можно считать неизбежным проявлением, спутником национального пробуждения: нация для своего утверждения (прежде всего в собственных глазах) должна воссоздать (или создать, придумать) свою героическую и трагическую версию собственной истории. В этом отношении, например, характерно утверждение, что древние финно-угры имели свою государственность.⁶⁹ С другой стороны, некоторые публикации о современной жизни финно-угорских народов носят на себе большой налёт митинговых эмоций.

Кроме того, в исторической литературе продолжают повторяться многие прежние мифы, в частности, о “добровольном вхождении” поволжских и сибирских народов в состав России и о том, что русские, двигаясь на север, северо-восток и восток, заселяли “пустые” земли. Или, если даже не игнорируется, что до прихода славян (впоследствии русских) угро-финские племена там проживали, утверждается, что их земли славяне “осваивали” (характерный термин, перешедший из XIX века) мирно: “Финно-угорские племена практически не занимались земледелием: являясь охотниками и рыбаками, они расселились вдоль рек и озер. Славяне пришли сюда с сельскохозяйственными орудиями, осваивая места, которые надо было распахивать”.

Журналист Дмитрий Эпштейн в статье с характерным названием “Как создается внутреннее зарубежье”, приведя цитату из работы автора настоящей статьи: “Насилие в сочетании с более утонченными формами порабощения сопровождало и утверждение на угро-финских землях нового административного управления, и политику христианизации. В Российской империи финно-угры в полной мере испытали на себе проявления неприкрытых русификаторских устремлений, издевательств и гонений на национальной почве. Все это осталось в исторической памяти народов, в их легендах и преданиях незаживающей раной и высвечивается на фоне оживления национального самосознания, придавая определенную политическую и морально-психологическую окраску историческому сознанию”, и аналогичные высказывания марийского археолога В.С.Патрушева и удмуртского историка К.И.Куликова, противопоставляет им суждение Олега Платонова: “Русская духовная мощь организовывала вокруг себя другие народы, подавляя противников и соперников силой добра и справедливости. Финно-угорские народы, а позднее многие сибирские народы были вовлечены в русскую цивилизацию добровольно, без крови и насилия. Русское государство спасло многие народы от уничтожения, предоставив им равные с русскими людьми права и возможности развития... Все российские войны носили оборонительный характер”.⁷⁰

Также характерны вновь появляющиеся статьи, в которых, как и сто лет назад, делаются попытки доказать славянское, а не финно-угорское происхождение даже таких географических названий, как “Волга” и “Москва”.

В этих условиях особенно необходимо именно научное исследование этнической истории и сегодняшнего положения угро-финских народов России. При этом важно учитывать, что историческое прошлое оказывает большое влияние на современные этнические процессы, на этно-политическую и морально-психологическую ситуацию в финно-угорских регионах.

Проблемы истории развития и современного состояния наций и национальных взаимоотношений в последнее время выдвинулись на одно из первых мест в науке, политике, публицистике. Очевидна необходимость изучения этого феномена и применительно к финно-угорским народам России. Они, как и десятки других проживающих в этой стране малых народов и этнических групп, в течение вот уже нескольких столетий включены в общую государственную

жизнь при полном господстве во всех сферах одной крупной нации — русской. Особенно возросла роль этого фактора в нынешнем, XX веке.

Интенсивные процессы “интернационализации”, особенно в последние десятилетия, означали для наших народов нивелирование образа жизни, падение роли этнических ценностей в культуре и создали опасность ассимиляции. Наряду с тем, что это является общей тенденцией в мире, для нерусских народов Советского Союза (России) эти процессы были обострены целенаправленной политикой, призванной сформировать “единую советскую нацию”.

Проблема эта требует углубленного объективного конкретно-исторического изучения в сравнении с аналогичными процессами в других странах. Предстоит с общецивилизационных, а не партийно-классовых, марксистско-ленинских позиций осмыслить этногенез, этапы этнической истории и современное состояние финно-угорских народов России. Задача эта тем более актуальна, что в условиях возросшего интереса к этим народам и дефицита в качественной литературе о них появляются книги скороспелые, с существенными изъянами.⁷¹ Особо важная задача — изучить и обобщить на примере российских финно-угров итоги и уроки (как позитивные, так и негативные) 75-летнего проведения в жизнь советской национальной политики в отношении малочисленных народов и этнических меньшинств. Определенное продвижение в этом отношении наблюдается, но в основном в публикациях за рубежом, а не в России.⁷²

Здесь принципиально важное значение имеют методологические позиции исследователей. В нашем общественном сознании начат критический пересмотр отношения к марксистско-ленинской теории наций и национальных отношений, которая была внутренне весьма противоречива. В качестве удавшегося исследовательского опыта в этом отношении можно назвать монографию (и, соответственно, докторскую диссертацию) К.И. Куликова “Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917-1937 гг.” Задача заключается в продолжении поиска в этом направлении, чтобы объективно выявить положительные и отрицательные моменты теоретических основ советской национальной политики, раскрыть потенциально заложенные в них противоречия, повлиявшие на этническую историю финно-угорских народов за последние три четверти века.

В последнее время не только в публицистических, но и в научных выступлениях часто встречается суждение, что главной причиной наших сегодняшних бед во взаимоотношениях между народами является то, что Советская власть в свое время, на заре своей истории, осуществила отход от “Единой и неделимой России”: признала независимость Финляндии и Эстонии, а в отношении карел, мари, коми, удмуртов, мордвы, коми-пермяков, хантов, манси предоставила право на самоопределение на принципе национально-территориальной автономии. От ученых, изучающих историю своих народов, общественность ждет ответа на вопросы: что дала автономия для их этнического, политического, социально-экономического, культурного развития? Изжила ли себя автономия?

Важно объективно исследовать положительные аспекты национальной политики в СССР в 20- начале 30-х годов в отношении финно-угорских народов,

особенно связанные с сочетанием территориальной и культурно-национальной автономии, вместе с тем рассмотреть уже проявившиеся тогда противоречивые тенденции, в первую очередь связанные с тем, что в противовес В.И.Ленину, считавшему главной опасностью в налаживании правильных межнациональных отношений великорусский шовинизм, И.В.Сталин на первый план выдвинул необходимость борьбы с местным “буржуазным национализмом”, под которым стало пониматься любое стремление к национальному развитию. Это оказало решающее воздействие на этнические процессы.

Формирование командно-административной системы, казарменного социализма сопровождалось параллельным процессом всеохватывающей централизации всей жизни страны, фактической ликвидацией даже урезанной, куцей автономии, отказом от широко разрекламированной политики “коренизации” и “реализации языков”. А репрессии 30-х годов обернулись в финно-угорских регионах практически поголовным уничтожением национальной интеллигенции, культурных сил, подрывом генофонда еще недостаточно в этническом отношении окрепших наций и народностей. Кровоточащей раной в исторической памяти остаются репрессии в отношении ижоры и ингерманландских финнов, массовые депортации эстонцев, “статистическое уничтожение” вепсов, разрушение экологической среды обитания хантов, манси, саамов, ненцев, коми-ижемцев, селькупов в ходе “покорения” Севера.

Эти исторические сюжеты пока не подверглись обстоятельному исследованию, по ним имеются только разрозненные, небольшие публикации, по которым трудно представить весь погром, учиненный правившим коммунистическим режимом в отношении наших народов за последние полвека. Между тем эти, казалось бы, далекие от современности и сравнительно близкие к сегодняшним дням события, явления, факты имеют прямой выход в состояние нынешних этнических процессов, определяют этно-политическое, морально-психологическое состояние, национально-историческое сознание народов.

Также глубокий, но еще по-настоящему не осознанный нами след в этнических процессах последнего времени и на современном этапе оставили многие события и направления национальной политики эпохи “развитого социализма”, проводившиеся в жизнь на основе теоретических установок о “едином советском народе”, о расцвете, сближении и слиянии наций: преднамеренная миграционная политика и строительство в национальных, в том числе финно-угорских регионах крупных промышленных объектов, что призвано было изменить соотношение коренного населения и мигрантов в пользу последних; перевод, по указанию ЦК КПСС, обучения в школе, начиная с первого класса, на русский язык преподавания, что, в конечном итоге, привело к ликвидации национальной школы у всех финно-угорских народов России.

Для этнического развития народов эти события нанесли не меньший урон, чем репрессии 30-х годов.

Глубокого осмысления, анализа и подробного объективного изложения требуют кризис национальной политики в условиях “перестройки” и “демократизации”, рождение и деятельность национально-демократических движений и

организаций по этническому возрождению своих народов, последствия “суверенизации” для коренных народов, кризисное состояние национального самосознания у российских угро-финнов.

Эти этнические процессы, относящиеся как к историческому прошлому, так и к современности, имеют прямые или отдаленные аналогии в истории и современном состоянии австралийских аборигенов, американских индейцев, эскимосов в Гренландии и Канаде, саамов в скандинавских странах, шотландцев и валлийцев в Великобритании, бретонцев во Франции и т. д. В связи с этим необходимо историко-сравнительное изучение сходных процессов культурно-языкового выживания, сохранения и развития малых этносов и национальных меньшинств в различных странах. В таком сравнительном плане на широком международном фоне проблема финно-угорских (да и других малочисленных) народов России еще не исследована. И часто описания истории и современного этнического состояния того или иного народов отличаются глубоким провинциализмом. Это во многом определяется господствующей концепцией об уникальности и международной значимости советского опыта решения национального вопроса.

Мощный рывок вперед в обобщении этого опыта и его последствий для этнической истории сделали эстонские ученые, создавшие “Красную книгу народов Российской империи”, куда вошли многие финно-угорские этносы России: кольские саамы, карелы, финны-инкери, ижора, вепсы, воль, ханты, манси и живущие в основном в Латвии ливы, а также все самодийские народы (ненцы, энцы, нганасаны, селькупы).⁷³

Когда речь идет об этнической истории, может сложиться впечатление, что надо обращаться только к пройденным этапам. Между тем, обращение к истории может быть продиктовано нацеленностью в будущее. Говоря об истории наших родных народов, ее сложных перипетиях в далеком и недавнем прошлом, мы думаем и о будущем: будут ли финно-угорские народы России полноправными, полнокровными участниками общественного прогресса или им уготована судьбой участь влачить остатки своего существования на обочине истории и затем вообще сойти с ее арены?

Чтобы развитие пошло по первому, а не по второму варианту, нужно не только внимательно изучить исторический опыт и сложившиеся тенденции, но и выработать определенную перспективу и программу этнического возрождения финно-угорских народов России, сохранения и развития их языков и культур, а главное — вселить в сознание самих народов веру в будущее.

Помочь народам освободиться от навязанного извне психологического комплекса неисторичности и собственной бесперспективности, вдохнуть в них сознание собственного достоинства — трудная, но благородная задача. В ее выполнении велика роль исторической науки и вообще гуманитарных исследований. Они формируют историческое сознание и морально — психологическое состояние народов. Для финно-угорских народов России особенно насущна и реально назрела социальная потребность в историческом осознании себя. Это — одно из первейших, необходимейших условий этнического возрождения,

этнокультурного, социально-политического самоопределения. Познавая свою историю, свое современное состояние в общиисторическом контексте, народ проникается уверенностью в будущем, верой в то, что и он не был и не будет в стороне от исторического прогресса, вне истории.

Мы начали писать правдивую историю своих народов, освобождаясь от марксистско-ленинских догм, от фальсификаций русоцентризма. Примерно через столетие новое поколение национально мыслящей интеллигенции по существу оказалось перед той же проблемой, которая стояла в конце прошлого — начале нынешнего века перед первыми просветителями: для возрождения народов надо в первую очередь вытравить из массовой психологии чувство собственной второсортности, осознать себя равными с другими. Но выполнять эту задачу приходится в несравнимо более трудных исторических условиях, чем первому поколению национальной интеллигенции.

Примером “этнического Ренессанса” для российских угро-финнов служит пример родственного эстонского народа, героическими усилиями сумевшего обеспечить себе право свободного развития. Нет сомнения, что в этом немалая заслуга ученых, в том числе и историков, углубленно изучавших и пропагандировавших историю, фольклор, этнокультурные традиции родного народа, способствуя укреплению самосознания нации.

Финно-угроведение, как комплекс направлений гуманитарных исследований о родственных народах, имеет исторические корни и традиции, оно исходит из надежды, что для национального возрождения еще имеются шансы, что еще можно возродить эти древние народы к полнокровной жизни, спасти от ассимиляции, сохранить их языки и культуры.

Примечания:

¹ Об этом хорошо написал финский исследователь Тимо Лейсио в статье “Самосознание и национальное выживание (на примере “лесных” финнов)” (Финно-угроведение. 1994, №2). См. также: Туен Т. Культурная и этническая непрерывность у коренных народов Севера: некоторые антропологические подходы // Советская этнография. 1990, № 5. — С.58; Сануков К.Н. Проблемы истории и возрождения финно-угорских народов России. Йошкар-Ола, 1994. — С.28; Лаллука Септо. Народы уральской семьи // Информационный бюллетень Консультативного комитета финно-угорских народов. 1993, № 1. — С.9.

² “Критика буржуазных фальсификаторов” не только “ленинской национальной политики КПСС”, но и различных страниц истории народов и национальных регионов была одним из официальных требований и критериев, предъявляемых к монографиям и диссертациям по проблемам национальных отношений. Более того, немало исследователей занималось специально этой деятельностью, создав целое направление в нациеведении. Относительно освещения вопросов истории финно-угорских народов специальных брошюр и статей такого направления всего несколько (Тронин А.А. Против фальсификации истории Удмуртии в современной буржуазной историографии // Историография и источниковедение истории партийных организаций Удмуртии. — Ижевск, 1978; Филатов Л.Г., Юрченко В.А. Мифы и реальность. Критика немарксистских концепций истории мордовского народа. — Саранск, 1989). Но неоднократно финно-угорские материалы использовались вкупе с другими (См., например: Абдулин М. Борьба без компромиссов. — Казань, 1982).

³ Силницкий Франтишек. Национальная политика КПСС (1917-1922 гг.). — Вашингтон, 1990.

⁴ Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб, 1791; Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч.3. — СПб, 1778 и др.

- ⁵ *Смирнов И.Н.* Черемисы. Историко-этнографические очерки. — Казань, 1889; Пермьяки. Казань, 1891; Вотяки. Казань, 1890; Мордва. — Казань, 1895.
- ⁶ *Smirnov I.N.* Les populations finnoises des bassins de la Volga et de la Kama: Etudes d'ethnographie historique. — Paris: E. Lerouz. 1898.
- ⁷ *Харузин Н.Н.* Русские лопари. Очерки прошлого и современного быта. — М., 1890.
- ⁸ *Шахматов А.А.* Мордовский этнографический сборник. Спб, 1910; *Мельников П.И.* Очерки мордвы // Полн.собр.соч. Т.7. — Спб, 1909.
- ⁹ *Лыткин Г.* Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. — СПб, 1889; *Евсеев М.Е.* Мордовская свадьба // Живая старина. 1892; *Верещагин Г.* О книгах на вотском языке. — Вятка, 1895 и др.
- ¹⁰ *Васильев В.М.* Материалы по поэтике на марийском языке. — Казань, 1930. — С.97.
- ¹¹ *Никольский Н.В.* История мари (черемис). — Казань, 1920.
- ¹² *Покровский М.Н.* Возникновение Московского государства и “великорусская народность” // Историк-марксист. 1930, № 18-19. — С.28.
- ¹³ *Егоров Ф.Е.* Материалы по истории народа мари.- Козмодемьянск, 1929.
- ¹⁴ Сборник Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей. Вып.1. — Л., 1929.
- ¹⁵ Государственный архив Республики Марий Эл. Ф.1П, оп.1, д.699, л.260-261.
- ¹⁶ *Худяков М.* Финская экспансия в археологической науке // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. 1931, № 11-12; Ленинградское общество изучения культур финно-угорских народов // Советская этнография. 1931, № 1-2; *Пальвадре М.Ю.* Буржуазная финская этнография и политика финляндского фашизма // Там же; он же. Новое учение о языке и финно-угроведение // Из истории докапиталистических формаций. — М.-Л., 1933.
- ¹⁷ Тезисы фракции совета Общества историков-марксистов “О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период” // Историк-марксист, 1931, т.21. — С.10.
- ¹⁸ Архив Министерства Безопасности Республики Марий Эл, арх. дело № 1761. См об этом: *Сануков К.Н.* Тимофей Евсеев: трагические страницы биографии // Марийский археографический вестник. 1995, № 5, С.77-98; *Сануков Ксенофонт.* “Финно-угорские федералисты” и “финские шпионы” // Финно-угроведение. 1996, №3.
- ¹⁹ *Куликов К.И.* Национально-государственное строительство у восточно-финских народов. 1917-1937. — Ижевск, 1993.
- ²⁰ К изучению истории. — М., 1937.
- ²¹ *Сталин И.В.* Соч., т.13. — М., 1951. — С. 361-362.
- ²² *Неретина С.С.* Смена исторических парадигм в СССР (1920-1930 гг) // Наука и власть. — М., 1990. — С.49.
- ²³ *Верховень Б.Г.* Расширение Русского государства. — М., 1938; *Бахрушин С.В.* Расширение Русского государства при Иване Грозном // Пропагандист, 1939, № 1.
- ²⁴ *Некрич А.* Отрешись от страха. Воспоминания историка. — Лондон, 1979. — С. 43-44.
- ²⁵ *Калистратов Н.П.* Прошлое и настоящее города Йошкар-Ола // Ученые записки Мар. гос. пединститута. — Йошкар-Ола, 1948.
- ²⁶ *Нечкина М.В.* К вопросу о формуле “наименьшее зло” // Вопросы истории. 1951, № 4.
- ²⁷ *Наякиши К.Я.* О прогрессивном значении присоединения народов Поволжья к России // Вопросы истории. 1951.
- ²⁸ *Позудин В.И.* Социалистическое преобразование сельского хозяйства в национальных республиках в советской историографии // Вопросы истории. 1971, № 10. — С. 25.
- ²⁹ Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965; Происхождение марийского народа. — Йошкар-Ола, 1967.
- ³⁰ *Белицер В.Н.* Очерки этнографии народов коми. — М., 1958; *Пименов В.В.* Вепсы: очерк этнической истории и генезиса культуры. — Л., 1965; *Лашук Л.П.* Формирование народности коми. — М., 1972; *Мокшин Н.Ф.* Этническая история мордвы. Саранск, 1977; *Козлова К.И.* Очерки этнической истории марийского народа. — М., 1978 и др.
- ³¹ Вопросы этнической истории мордовского народа. Труды Института этнографии АН СССР. Т.63. — М., 1960.
- ³² *Вязри Э.* Пауль Аристэ (страницы биографии) // Финно-угроведение. 1995, № 2.

³³ Мордва: историко-этнографические очерки. — Саранск, 1981; Карелы Карельской АССР. — Петрозаводск, 1983.

³⁴ *Брамлей Ю.В., Пименов В.В., Шлыгина Н.В.* Современные этнокультурные процессы у народов финно-угорской языковой семьи в СССР // Советское финно-угроведение. 1985, № 2.

³⁵ *Брамлей Ю.В., Пименов В.В., Соколова З.П., Шлыгина Н.В.* Финно-угорские этносы СССР: современные этнокультурные процессы // Советская этнография. 1986, № 6.

³⁶ Народы Поволжья и Приуралья. — М., 1985.

³⁷ Из истории национально-государственного строительства, национальных отношений и социально-экономического развития Коми АССР. — Сыктывкар, 1989; Карелы. Финны. Проблемы этнической истории. — М., 1992; Сануков К. Марийцы: прошлое, настоящее и будущее. — Йошкар-Ола, 1992; *Куликов К.И.* Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917-1937 гг. — Ижевск, 1993; Libiesi. — Riga, 1994; *Шабаетов Ю.П.* Коми-пермяки: проблемы выживания // Этнографическое обозрение. 1994, №4; *Сануков К.Н.* Проблемы истории и возрождения финно-угорских народов России. -Йошкар-Ола, 1994; *Гришкина М.В.* Удмурты: этюды из истории IX-XIX веков. — Ижевск, 1994; *Котов О.В., Рогачев М.Б., Шабаетов Ю.П.* Современные коми. — Екатеринбург, 1996 и др.

³⁸ Проблемы истории и культуры вепской народности. — Петрозаводск, 1988.

³⁹ *Рябинин Е.А., Фишман О.М.* Первые финно-угорские чтения // Советская этнография. 1988, № 6. — С.159-162; *Заднепровская А.Ю., Куропятник М.С.* Вторые финно-угорские чтения в Ленинграде // Советская этнография. 1991, № 5. — С.120-124.

⁴⁰ Развитие советских финно-угорских народов: история и современность. Тезисы докладов на Всесоюзной научной конференции. — Сыктывкар, 1991.

⁴¹ Specimina Sibirica. Tomus VIII. Die Wege der finnisch-ugrischen Volker zur politischen, kulturellen und sprachlichen Autonomie. Materialien eines Internationalen Symposions 15-17. Oktober 1992 in Sombathely. — Savariae, 1993.

⁴² *Домокош Петер.* Формирование литератур малых уральских народов. — Йошкар-Ола, 1993. (На венгерском языке книга вышла в 1985 году).

⁴³ *Lallukka Seppo.* Kazan' Teacher's Seminary and the Awakening of the Finnic Peoples of the Volga-Urals Region // Studia Slavica Finlandensia. Tomus IV. — Helsinki, 1987; *Suomalais-ugrilaiset kansat Neuvostoliiton uusimpien vaestonlaksentoien valosa.* Helsinki, 1982.

⁴⁴ *Lallukka Seppo.* The East Finnic Minorities in the Soviet Union: an Appraisal of the Erosive Tends. — Helsinki, 1990.

⁴⁵ Этнографическое обозрение. 1992, № 4 (рецензия Е.А. Хелимского); Russian Review. 1993, January. Vol.52/1 (review Henry R. Huttenbach).

⁴⁶ *Lallukka Seppo.* Komi-Permiakit — peramaan kansa. Syrjatyminen, sulautuminen ja postkommunistinen murros. — Helsinki, 1995.

⁴⁷ См. рецензию Евгения Цыпанова в журнале “Финно-угроведение”, 1997, №1.

⁴⁸ *Heno Sarv.* Soomeugrilased venemaal labi saandite/ Akadeemia. 1993, №5; Изменения в современном расселении народов уральской и других языковых семей в СССР // Etnograafimuuseumi Aastaraamat. XXXVII. — Tallinn, 1989.

⁴⁹ *Kappeler Andreas.* Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Volker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert. — Koln, 1982.

⁵⁰ *Балицкий В.Г.* От патриархально-общинного строя к социализму. — М., 1969; *Бударин М.Е.* Путь малых народов Крайнего Севера к коммунизму. — Омск, 1968; *Увачан В.Н.* Годы, равные векам. Строительство социализма на Советском Севере. — М., 1984; *Зибарев В.А.* Большая судьба малых народов. — Новосибирск, 1972; *Луковцев В.С.* Минувя тысячелетия. — М., 1982 и др.

⁵¹ *Соколова З.П.* Перестройка и судьбы малочисленных народов Севера // История СССР. 1990, № 1; *Лука А.И., Прохоров Б.Б.* Большие проблемы малых народов // Коммунист. 1988, № 16.

⁵² Народов малых не бывает. — М., 1991; *Санги Владимир.* Чтобы корона не оголилась // Литературная газета, 1989, 15 февраля; *Шесталов Юван.* О том, что нравственно и что безнравственно // Диалог, 1989, № 8.

⁵³ *Forsyth James.* A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony. 1581-1990. — Cambridge, 1992.

⁵⁴ *Slezkine Yuri.* Arctic Mirrors. Russia and the Small Peoples of the North. Cornell University Press. — Ithaca and London, 1994.

⁵⁵ Финно-угорские народы и Россия. Сборник материалов международных конференций 1992-1993 годов. — Таллинн, 1994.

⁵⁶ Пути выживания народов ханты и манси. — Ханты-Мансийск, 1993.

⁵⁷ Livonians and Their Culture: Preservation of Small Ethnic Group Language and Culture in Theory and Reality. Mazirbe. — Riga, 1994. См. об этом: Финно-угроведение. 1995, № 2.

⁵⁸ См: *Сануков Ксенофонт*. Идентитет и национальная историография // Финно-угроведение. 1994, № 2. — С.128-130.

⁵⁹ Regionalismus und Nationalismus in Russland. — Baden-Baden, 1996.

⁶⁰ Марийская правда. 1989, май-июнь; Родной язык — моя родина. Конференция по урало-язычным литературам. Эспоо, Финляндия, 10-14 августа 1991. Доклады. — Хельсинки, 1992; Anyanyelvunk, Irodalmunk Ma. A III. Finnugor Irotalalkozo Jegyzokonyve (Eger, 1993, augusztus 23-27.). — Budapest, 1995.

⁶¹ Актуальные проблемы современного финно-угроведения: Материалы первой Всероссийской научной конференции финно-угроведов. — Йошкар-Ола, 1995; *Никитина Татьяна*. Первая Всероссийская научная конференция финно-угроведов // Финно-угроведение. 1995, № 1. — С.3-9. В этом номере журнала опубликованы также решение конференции и основные доклады.

⁶² *Сануков Ксенофонт*. Восьмой международный конгресс финно-угроведов // Финно-угроведение. 1995, №3-4.

⁶³ *Сануков Ксенофонт*. Финно-угры и финно-угроведение: новые горизонты (От редактора) // Финно-угроведение. 1994, №1.

⁶⁴ *Куликов К.И.* Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917-1937 гг. — Ижевск, 1993; *Popov Aleksandr*. Дело о так называемых финских шпионах в СССР в 1930-е годы // *Studia Slavica Finlandensia*. Tomus IX. Helsinki, 1992; *Виноградов В.* Карельское "дело". — Тверь, 1991; *Ksenofont Sanukov*. Stalinist Terror in the Mari Republic: the Attack on 'Finno-Ugrian Bourgeois Nationalism' / *The Slavonic and East European Review*. Vol.74, Nr4. October 1996 и др.

⁶⁵ См., например: Иосиф Сталин — Лаврентию Берия: "Их надо депортировать". Документы, факты, комментарии. — М., 1992. Здесь приводятся сведения о насильственных выселениях с начала 30-х годов (в частности, о высылке кулаков из национальных районов, затем — дальневосточных корейцев), но впервые примененная репрессия по национальной принадлежности в отношении ингерманландских финнов и в этой книге оказалась обойденной.

⁶⁶ *Matley Ian*. The Dispersal of the Ingrian Finns / *Slavic Review*, 38 (March 1979).

⁶⁷ *Хилтунен Р.* Ингерманландия — страна чухонцев // Независимая газета. 1990, декабрь, № 8, с.6; *Гильди Леонид*. О реабилитации ингерманландских финнов // Финно-угроведение. 1995, № 3-4; *Гильди Л.А.* Расстрелы, ссылки, мученья. — СПб, 1996.

⁶⁸ Прибалтийско-финские народы: история и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995. (Оригинал на финском языке — "Itamerensuomalaiset", 1995).

⁶⁹ *Юрченков В.А.* Хронограф, или повествование о мордовском народе и его истории. — Саранск, 1991; *Степанов А.* Государственность древних мари // Марий Эл: вчера, сегодня, завтра. 1995, №1. Утверждение В.Юрченкова о существовании древне-мордовского государства справедливо подвергнуто критике Н.Ф.Мокшиным (См.: Этнографическое обозрение. 1992, № 6. — С.150).

⁷⁰ Московские новости, №5, 4-11 февраля 1996 г., с.8.

⁷¹ См: *Кузьминых С., Напольских В.* Рец.[на книгу]: *Патрушев В.С.* Финно-угры России. — Йошкар-Ола, 1992 // Финно-угроведение. 1994, №1.

⁷² *Sanukow K.N.* Die finnisch-ugrischen Volker Russlands. Gesellschaftspolitische Situation und Nationalbewegung — aus der Sicht eines Insiders / *Osteuropa*. 46. Jahrgang/ Heft 3/ Marz 1996; *Sanukov Xenofont*. Small Nationalities and Ethnic Minorities in Russia: The Case of the Finno-Ugrian Peoples/ Time, Place and Action: Quincentennial Perspectives on Russia, East and Central Europe. — University of Aberdeen. 1996.

⁷³ *Kolga Margus, Tonurist Igor, Vaba Lembit, Viikberg Yuri*. Vene impeeriumi rahvaste Punane Raamat. — Tallinn, 1993.

Анатолий Куклин

Тайны происхождения марийского слова

чодыра ‘лес; лесной (-ая, -ое)’

О чем могут поведать гипотезы ученых

Слово чодыра ‘лес, лесной (-ая, -ое)’, лежащее в основе названий многих селений Республики Марий Эл, давно известно в марийском языке и имеет большую и сложную “биографию”. Однако объяснения его происхождения весьма противоречивы и нуждаются в достоверных фактах, а сама этимология (история слова) — в коренном пересмотре с привлечением лингвистических данных родственных финно-угорских и неродственных тюркских и русского языков с экскурсами в более ранние этапы их жизни. Чтобы отправиться в этимологический поиск, сначала рассмотрим, к каким же выводам пришли ученые, какие версии ими выдвигаются по поводу происхождения этой лексемы.

Так, финский ученый Х.Паасонен в своем “Ost-tscheremissisches Wörterbuch (Восточночеремисском словаре)” (Helsinki, 1948) марийское слово чодыра сопоставляет с чувашской лексемой сагра ‘мелкий лес’. Х.Паасонену, возможно, дали повод связать марийское и чувашское слова отношением родства близость значения и их звуковая схожесть. Безусловно, связь между ними существует, но она, как будет показано ниже, иного характера.

В.Г.Егоров, известный как составитель “Этимологического словаря чувашского языка” (Чебоксары, 1964), марийские чодыра ‘лес’, чодырман ‘сухая пихта с ветвями и хвоей’ сравнивает с татарским чытырман ‘чаща, киргизским чытырман ‘чаща, густые заросли’, приводя их как параллель к чувашским формам сагӓрк(к)а, сагра, саграка, наполненным следующим лексическим содержанием: 1. ‘хворост, сушняк, валежник’; 2. ‘кустарник, мелколесье’; 3. ‘заросли, чаща’; 4. ‘ветвистый, сучковатый; густолиственный’.

Ученый-филолог М.Р.Федотов, исследуя исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, пришел к выводу, что марийское горное цадыра, марийское луговое чодырман ‘мелкий и густой кустарник’ (однако следует уточнить, что последнее слово имеет значение ‘сухая пихта с ветвями и хвоей’ — А.К.) исторически восходят к чувашскому слову сагра ‘хворост, чаща’. Марийское горное цадыра ‘мелкий и густой кустарник’ возводится им также к чувашским формам сагӓрка ‘хворост, чаща’, сагар ‘подражание треску сухих сучьев’. К этому же гнезду он причисляет марийское восточное чытыр ‘хворост’, татарское чытыр, башкирское сытыр ‘хворост’.

Разрабатывая раздел “Заемствованная лексика” (кроме “русских заимствований”) учебного пособия “Современный марийский язык. Лексикология” (Йошкар-Ола, 1972), лингвист Д.Е.Казанцев в своих оценках чувашизмов марийского языка, видимо, шел в русле идей М.Р.Федотова, ибо он в принципе согласен с его утверждением о чувашском происхождении марийской лексемы чодыра ‘лес’.

Это утверждение, однако, находится в противоречии с высказываниями чувашского языковеда Н.И.Егорова, отметившего в своей статье “Чувашская диалектология и этимология”, что тюркоязычные предки чувашей, сложившиеся в этническом и языковом отношении в условиях степного кочевого образа жизни, не имели собственных слов, детально характеризующих лесной образ жизни. Эта субстратная лексика, по его мнению, составляет примерно 70% всех мариизмов чувашского языка, причем основная часть слов этой группы имеет употребление только в северо-западных говорах чувашского языка и носит узколокальный характер.

Действительно, как явствуют современные этимологические изыскания, чувашское слово са́тра ‘хворост, курстарник, мелколесье’ восходит к марийскому горному *ца́тра > цадыра ‘мелкий и густой кустарник’. Разумеется, попав на почву чувашского языка, оно приспособилось к его фонетическим нормам и восполнило свое смысловое содержание новыми значениями.

Попытки объяснить происхождение марийского слова чодыра были предприняты и позднее. Так, филолог С.Я.Черных в своей статье “Названия местностей Сернурского края”, сравнивая его с тувинским словом чодураа, имеющим значение ‘черемуха (дерево)’, полагает, что в монгольском оно имеет тот же смысл, ибо тувинский и монгольский языки являются родственными. Исходя из этого, он утверждает, что лексему чодураа в Среднее Поволжье привнесли татаро-монголы, а марийцы от них ее заимствовали. Однако, как уточняет С.Я.-Черных, слово чодураа в марийском превратилось в чодыра и стало обозначать новое понятие.

Гипотеза о тувинском происхождении слова чодыра на самом деле является очень далекой от действительности, ибо она вступает в явное противоречие с хронологией появления данного слова, существовавшего уже в марийском языке до появления татаро-монгол на Средней Волге. В этимологической литературе в качестве соответствия тувинскому чодураа приводятся сойонское, хакасское čodurā, ойротское (алтайское) jodro, татарское šömört, барабинское (диалект татарского языка) jumrut, кюэзское jumurt ‘черемуха’, сравните также монгольское žimigusun с тем же значением, финское tuomi ‘черемуха’, сюда же относятся марийское ломбо с диалектными вариантами ломбы, ломпы: ‘черемуха (дерево)’. Все они восходят к урало-алтайскому источнику. Таким образом, автор этой гипотезы не только не подозревает сематического несоответствия марийского чодыра и тувинского чодураа, но и уводит читателя по явно неверному пути, руководствуясь, видимо, тем соображением, что сходно звучащие слова имеют родственную связь.

Существует еще одна версия о происхождении марийского слова чодыра ‘лес, лесной (-ая, -ое)’. Так, известный топонимист В.В.Кузнецов в одной из своих статей, разделяя точку зрения С.Я.Черных о монгольском генезисе данной лексемы, все же его поправляет, считая, что она вошла в марийский язык через соседние тюркские языки со значением ‘чаща, мелкий лес’. При этом для иллюстрации приводит соответствующее указанному значению горномарийс-

кое слово цадыра и, ссылаясь на работу М.Р.Федотова, сопоставляет его с чувашским çатӑрка 'хворост'. Свою версию он старается подкрепить чувашскими, горными и луговомарийскими звукосоответствиями, которые, однако, относятся к разным диахроническим срезам указанных языков и наречий и не имеют надлежащей доказательной силы.

Какова лингвистическая биография слова чодыра.

Надо сказать, что вышеуказанные гипотезы о происхождении марийской лексики чодыра игнорируют реальную историко-культурную ретроспективу марийского народа и совершенно не согласуются с данными родственных финно-угорских языков. Чтобы нагляднее это себе представить, обратимся к материалам наших древних соседей — коми-зырян. Откроем 1-ый выпуск "Живой Старины" за 1901 год (С.-Петербург), периодического издания Отделения этнографии Русского географического общества, где находится "Этнологический очерк Зырян" известного коми учёного и писателя К.Ф.Жакова. Там говорится: "Какое впечатление производит лес на зырянина, видно уже из того, с какою любовью относится он к нему и к его особенностям, какое обилие названий имеется для этих особенностей леса. Так, например, возвышенноровное место, покрытое елью, называется парма. Этим же именем называется невысокое место, сухое, покрытое елью и окруженное возвышенностями. Ровное место с елью называется чѣтчокс. Сырое место, где растет береза, — йӧнӧд, сухое место, покрытое березой, — рас; возвышенное место, где сосны, — яг, холмик, где сосны, — дав; холм среди пармы — гринӧк, террасовидное место — керӧс и т.д. Все это отмечалось зыряннином, изучалось с большой любовью, влияло на его душу". Кстати, в этой связи следует отметить, что в республике Коми, по данным учета лесного фонда, леса в настоящее время занимают 94% ее территории (площадь Республики Коми 416,8 тыс. кв. км), причём 83% лесопокрытой площади приходится на долю хвойных лесов.

Кроме указанных К.Ф.Жаковым слов, в современных диалектах коми-зырянского языка существует еще ряд лексем для обозначения разновидности леса, лесных массивов, приуроченных к определённой рельефу местности, основных древесных пород в ландшафтном фоне и т.д. Сравните, например, вымское, ижемское (примеры приводятся из "Сравнительного словаря коми-зырянских диалектов" (Сыктывкар, 1961) согра; нижневычегодское, удорское сӧгра 'болотистое кочковатое место с корявым ельником'; печорское чагра 'дикое место, поросшее кедровым лесом'. Указанные диалектизмы коми-зырянского языка семантически и материально близки марийскому чодра (орфографически чодыра). Это мнение справедливо, если учесть также исконность сосуществования согласных ç // ч- в абсолютном начале некоторых коми слов. Сравните, например, внешний облик равнозначных диалектных вариантов: удорское чакавны // удорское сакавны 'царапать'; удорское чакыштыны // удорское сакыштыны 'царапнуть' и т.д. Этот параллелизм объясняется, очевидно, вторичным преобразованием системы согласных — деаффрикатизацией исконного ч (расщеплением этого сложного звука на два сегмента: ч = тш с одновременной утратой его смычного начала, то есть [т] /, начавшейся в коми языке-основе

в период его распада и имевшей место в отдельных диалектах на поздней стадии их развития, о чем отчетливо свидетельствуют слова близкородственного удмуртского языка с начальным *ч* и *й*: *йабъяны* ‘царапать’, *йабтыны* ‘царапнуть’.

Объединение лексем *чодра*, *чагра*, *согра*, участвующих в номинации леса, в одно этимологическое гнездо может показаться, на первый взгляд, весьма сомнительным с точки зрения их фонетического облика. Однако, эти сомнения проясняются, если учесть неравномерность звуковых изменений в середине указанных коми слов. В этой связи интересно отметить случаи произношения согласного *г* на месте этимологического *т* в диалектах коми языка: нижневычегодское горш *гӱгӱр* // вымское, ижемское горш *дор* ‘ворот (рубахи)’; сравните марийское тувыр *тӱр* ‘край, подол (рубахи)’; удорское *гунгыны* // печорское, присыктывкарское, среднесыольское, удорское *дунгыны* ‘дуть, надуваться’. Следует полагать, что такая смена своими корнями уходит в далекое прошлое коми языка. Следы этого явления и донныне не стерлись, они иногда проявляются в русских заимствованиях. Сравните, например, междиалектные звукосоответствия в абсолютном начале слов, имеющих одно и тоже значение: летское *гед* // верхневычегодское, вымское, ижемское, летское, нижневычегодское, печорское, присыктывкарское, среднесыольское, удорское *дед* < русское *дед*; лузско-летское *гэрэвня* < русское *деревня*. В середине слова нередки случаи произношения согласного *к* на месте этимологического *т*: нижневычегодское, присыктывкарское, среднесыольское *нейкмыны* // вымское, печорское, удорское *нейтмыны* ‘заволочься, покрыться тучами’; ижемское, летское *аркмыны* // верхнесыольское, вымское, летское, печорское, присыктывкарское, среднесыольское *артмыны* ‘получиться, создаться, образовываться, уродиться’.

Если опереться на известные коми диалектам необычные звуковые чередования в вышеприведенных исконных и заимствованных словах, то становится более оправданным предположение, что рассматриваемые лексемы развились из более древней формы **чотра* ‘лес’ (вполне возможно и сосуществование ее варианта **цотра* в отдельных диалектах праязыка), причём марийская форма сохранила на себе отпечаток наибольшей архаичности. Что касается превращения древнего финно-угорского *т* в середине слова *чотра* в согласный *г* через промежуточную ступень *д*, то оно, очевидно, произошло в общекоми период, до начала русско-коми языковых связей. Судя по исследованиям Л.Н. Жеребцова (Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X — начало XX вв. — М., 1982. — С.45, 117), устойчивые связи коми и русских устанавливаются с XI в., а в XII-XV вв. контакты между ними были весьма интенсивными и разнообразными.

На их фоне весьма показательна и коми лексема *согра*, воспринятая говорами северно-русского наречия для выражения рельефа местности или разновидности леса; сравните мезенское *согра* ‘сырая, поросшая высоким, частым ельником и вереском местность’, каргопольское *согра* ‘мокрое, вязкое болото с редким невзрачным ельником’. Эта лексема в городе Устюг Великом (ныне

Великий Устюг Вологодской области) в 1757 году зафиксирована со значением ‘густой лес’ (Словарь областныхъ словъ, употребляемыхъ въ г. Устюгѣ Великомъ. СПб, 1899). Коми, жившие в непосредственной близости от Устюга, постоянно посещали этот город, и коми речь звучала на его рынках и улицах. Сравните также топонимы Виноградовского р-на Архангельской области: Согра — луг (Прилуки), мыс (Топса), озеро (Борок), остров (Ростовское), урочище (Слобода); Согорка — урочище (Двинский Березняк); Долгая Согра — урочище (Шастозеро), Чёрная Согра — ивняк (Тулгас); Шиленская Согра — луг (Шиленьга).

Конечно, это слово далеко не бесспорно в отношении принадлежности его к коми языку, однако широкая распространённость согра и его вариантов в диалектах коми языка делает такую гипотезу достаточно вероятной.

Специалист по финно-угорским языкам В.И.Лыткин, ссылаясь на известный словарь В.И.Даля, коми-зырянское sogra ‘болотистый лес’, нижевычегодское, удорское сѡгра, вымское, ижемское согра ‘болотистое кочковатое место с корявым ельником’ под вопросом определяет как русское заимствование. Но такое предположение явно игнорирует историю колонизации Европейского Севера и Сибири русским населением и недооценивает факты лингвистической географии. Попытка уточнить этимологию коми слова согра была и позднее, однако вопрос о его происхождении не нашел однозначного решения. Составители ‘Краткого этимологического словаря коми языка’, перечислив коми формы и указав географию распространения слова согра в русских говорах, поставили между ними знак ∇ , который, по их мнению, указывает, что направление заимствования не ясно.

В словаре В.И.Даля лексема согра дается как известная вологодскому, архангельскому, пермскому говорам со значением ‘дебрь’, то есть ‘лесная чаща, трущоба с валежником’, ‘тайга’, и сибирским говорам (иркутскому и томскому) — ‘болотистая равнина с кочкарником, ельником, вереском и ерником всякого рода; плохой кривульный лесок с можжевелем и вереском по болоту; заваленная дрязгом долина в бору’.

Похожий ряд слов мы находим и в русских говорах Среднего Урала, сравните, например: сѡгра, сѡгря, сѡхра ‘болото, болотистое место, поросшее лесом’; ‘сырой, болотистый участок леса или лес’. Что касается русских говоров Сибири, то они являются говорами вторичного образования, сформировавшимися на основе северно-русских. Поэтому, несомненно, это слово было перенесено переселенцами на новое местожительство. Следует также иметь в виду, что географическая среда, условия жизни и быта в Сибири, достаточно близкие к условиям жизни Европейского Севера, способствовали не только сохранению, но и широкому его распространению.

Кроме того, местные говоры северно-русского наречия знают и другие фонетические варианты этой лексемы, а именно: шѡгра, шѡхра, шохра́, шогра́, ча́гра, чагра́, ча́гора, са́дера, содера, седера, седѣра с идентичными или близкими значениями. Варианты шохра́, шѡхра зафиксированы Д.Зелениным (см.

Отчет о диалектологической поѣздкѣ въ Вятскую губернію. — Спб, 1903. — С.186) также в русских говорах Вятской губернии: первый — в речи жителей села Козьмодемьянское (по современному административно-территориальному делению оно находится в Уржумском р-не Кировской области), села Лом Яранского уезда, селений Слободского и Котельничского уездов, а второй — в речи жителей села Камешницы Орловского уезда.

При объяснении начального согласного лексемы согра с вариантами чагра, шогра, шохра и другими нельзя не учесть характер его развития в коми оригинале. Как показывают материалы коми диалектов, начальный *ч — сохранился лишь в печорском (чагра), а остальных диалектах древнее *ч — (диалектное *ц) вследствие утраты смычного начала превратились соответственно в ш- и с- (шогра, согра). Необходимо, однако, заметить, что в отдельных диалектах начальный согласный вовсе исчез, при этом его утрата сопровождалась опадением конечного гласного основы, что в свою очередь вызвало ряд преобразований в фонетическом облике слова: появление дополнительного гласного между согласными звуками, изменение признака ряда и подъема гласного корня слова. Сравните, например: верхнесысольское егыра, удорское (говор села Глотова) егрѡдэ 'болотистый, с невысоким хвойным лесом (о месте)', верхнесысольское, вымское, ижемское, нижневычегодское, печорское, удорское егыр, верхневычегодское егир 'болотистый лес, болотистое место с невысоким редким хвойным лесом'.

Как явствуют данные отдельных говоров северно-русского наречия, следы начального согласного ч сохранились в русских говорах южной части Архангельской области (Устьянском, Вельском, Красноборском р-нах), обнаружены они также в двух западных р-нах Кировской области (Халтуринском и Даровском) — чагра 'мелкий густой труднопроходимый лес на сыром месте'. Следы согласного ш уцелели в речи жителей древнего Заволочья — шогра, 'кочковатое место в лесу', костромских, западных говорах — шѡгра, шѡхра, шѡхра 'лес на болоте', вологодское (Чарозерский р-н) шѡгра 'болото с лесом'. Наличие этого слова в русских говорах по реке Унже подтвердила также Севернорусская топонимическая экспедиция Уральского государственного университета имени А.М.Горького, работавшая в 1975-77 годах на территории Кологривского, Межевского и Нейского р-нов Костромской области. Возможно, что слово шѡгра с указанными вариантами в костромские и западные русские говоры вошло из субстратного мерянского языка, который постепенно растворялся в их среде, оставив после себя также характерную лексику, связанную с лесным ландшафтом и образом жизни в этих условиях.

Академик В.А.Серебрянников (Этимологические заметки // Этимология 1968. — М., 1971. — С.211) русское диалектное согра считает угро-финским по происхождению и пытается связать генетически с мансийским tăgəu 'сосна', соответствующим хантыйскому tegər 'небольшая молодая ель, высокая стройная ель'.

Однако, такому утверждению, как показано выше, противоречат данные диалектов коми-зырянского языка. Шаткость такой этимологии состоит также в том, что лингвистические данные русских говоров Сибири, являющихся говорами вторичного образования, рассматриваются автором в отрыве от языковых фактов “материнских” северно-русских говоров, от которых они отпочковались. К тому же в его объяснениях с исчерпывающей полнотой не рассматривается генезис звуковых изменений в структуре анализируемой леммы.

Что касается обско-угорских слов — мансийского *tǎgəu* и хантыйского *tegəg*, то они, вероятно, прошли путь развития аналогичный диалектным формам коми языка. Такое соображение позволяет констатировать, что в коми, и в обско-угорских языках, подобно марийскому, согласный *ц или *ц в начале указанных слов был первичным. Он еще до распада финно-угорской общности в языках угорской группы развился в свистящий согласный с, а в диалектах хантыйского языка спорадически переходил, возможно, и в *щ. Любопытно, что следы древнего с уцелели в селькупском слове *согыр* ‘топкое место с мелким кустарником’, воспринятом, очевидно, из хантыйского языка. Реликты хантыйского *щ обнаруживаются в русских говорах, распространённых по нижнему течению Иртыша и на Нижней Конде, сравните, например, *шигáр* (множественное число *шигарá*) ‘густой сосняк на болоте, сравнительно сухой участок болота, где растёт мелкий, густой сосняк’ (Большой Ярок, Малый Ярок, Солянка, Шилова) с вариантами *шигýр* с тем же значением (Красный Яр, Осинник, Юровск), *шигáрь*, ‘моховое болото с мелким и густым сосновым лесом’ (Нижняя Конда) < обско-угорское, сравните: прииртышское *тегер-юх* ‘молодой хвойный лес, главным образом сосновый, мелкий искривлённый сосняк на болоте’, где юх — дерево или формант в названиях деревьев и кустарников, кондинское *теегер* ‘мелкая сосна’.

В обско-угорский период вновь возникшие согласные с и щ перешли во взрывное т, сравните, например: финское *suvi* ‘лето’, мансийское *tuv* и южно-хантыйское *top*; финское *soute-* ‘грести’, коми-зырянское *sup-*, мансийское *tow* и южно-хантыйское *təw*. Эти примеры, как и многие другие, наглядно демонстрируют справедливость вывода замечательного российского лингвиста Ю.В. Откупщикова (К истокам слова: Рассказы о науке этимологии. — М., 1986) о том, что “при сопоставлении родственных слов следует опираться не на чисто внешнее звуковое их сходство, а на ту строгую систему фонетических соответствий, которая установилась в результате изменений звукового строя, происшедших в отдельных исторически связанных друг с другом языках”.

Переосмысление — сужение первоначального значения в разных направлениях (сравните мансийское *tǎgəu* ‘сосна’, хантыйское *tegəg* ‘небольшая молодая ель, высокая стройная ель’) — произошло, видимо, в период отдельной жизни мансийского и хантыйского языков.

Истории происхождения слова *согра* специальную заметку посвятил немецкий славист М.Фасмер в своем “Этимологическом словаре русского языка”. Опираясь на труды лингвистов А.Подвысоцкого, Г.Куликовского, Ф.Филина,

В.Даля, он указал на ареал распространения этой лексемы и ее фонетические варианты с начальным ш-. Далее, ссылаясь на утверждение А.Погодина, М.Фасмер анализирует этимологические версии финского ученого Я.Калимы, который якобы оспаривает финское происхождение лексемы согра ввиду ее распространения в северно-русских говорах и реконструирует для нее праформу *сьдьра, подключая для сравнения архангельское содера ‘мелкий болотистый лес’. При этом он сетует, что у Я.Калимы не объяснены срединное -г- и формы с начальным ш-.

В связи с этим любопытно отметить, что Я.Калима (*Kritisches zur frage die finisch-ugrischen elemente in russischen II /Zelenin, Vasmer, Pogodin/; Die ostseefinnischen lehnwörter im russischen*) вовсе не оспаривает прибалтийско-финское происхождение рассматриваемого слова. Учитывая его значение и фонетические варианты, он пришел к выводу, что согра возникло из содьра (архангельское содера ‘частый мелкий лес по кочкарнику’), или, в крайнем случае, относится к этому гнезду (с другим чередованием ступеней?). Я.Калима указывает еще на одну архангельскую форму — садера с тем же значением, зафиксированную А.Подвысоцким. По его мнению, маловероятно, что сочетание согласных -гр- в слове согра не является вторичным, если русские формы с с- являются первичными, то развитие ш в шогра, шохра произошло по аналогии с другим словом, которое невозможно определить, если ш- первичное, то слово является неясным. Наконец, Я.Калима, вопреки А.Погодину, приходит к выводу, что нельзя говорить о прибалтийско-финском происхождении слова согра из-за отсутствия лексического соответствия ему в этих языках, поэтому оно может иметь совершенно иную этимологию — даже славянскую.

Как явствует вышеизложенное, недостаточная изученность существующих этимологических изысканий привела М.Фасмера не только к односторонней формулировке, но и к искажению исходных теоретических положений Я.Калимы. Следовательно, этимологию немецкого слависта из-за недостаточной и неверной семантической мотивации следует считать ненадежной.

Что же касается реконструкции архетипа Я.Калимы, то его наблюдения и выводы дополнительно, как уже говорилось выше, подтверждаются диалектными данными коми-зырянского языка. Однако нельзя согласиться с его предположением о славянском происхождении русского диалектного согра. Вместе с тем в порядке уточнения следует отметить, что в абсолютном начале указанной архиформы мог выступить также согласный ч-. Показательными примерами в этом отношении являются фонетические варианты чáдера, чáгера ‘дремучий лес, чаща, непроходимое мелколесье’, встречающиеся в русских говорах по нижнему течению Иртыша. Распространение указанных лексем в говорах Сибири, как отмечено выше, обусловлено русской колонизацией. В середине анализируемой лексемы изначально функционировало сочетание согласных -тр-, впоследствии его разрядка произошла путем появления между ними призвука е или ы, который в дальнейшем превратился в самостоятельный звукотип, а глухой согласный т, оказавшись между гласными звуками, озвончился.

Реконструируемая проформа свидетельствует о следующих звуковых изменениях, имевших место в истории развития марийской лексемы чодра ‘лес’ с вариантами цодыра, цадыра: разрядка стечения согласных в срединной позиции слова -др- произошла вследствие развития между ними ы-образного призвука, который в настоящее время расценивается как самостоятельная звукоединица, сравните современное чодыра́. Перемещение ударения с первого на конечный открытый слог обусловлено качеством исходного гласного а, являющегося в марийском языке относительно долгим, интенсивным и сильным звуком. Что касается согласного ц в марийском горном цадыра ‘мелкий и густой кустарник’, то он исторически восходит к мягкому ч и расценивается как позднейшая инновация. Корневое о в марийском горном расширилось в а, что подтверждается генетически родственными словами, сохранившими изначальное гласное о: горное, северо-западное вадар — луговое водар, сравните мордовские (эрзянское и мокшанское) одар ‘вымя’; горное йангыж (орфографически янгеж) — луговое, северо-западное йонгеж ‘лук для метания стрел’, сравните финское jousi, карельское jouzi ‘лук (оружие)’ и другие.

Итак, изложение лингвистической биографии марийского слова чодыра ‘лес, лесной (-ая, -ое)’ подошло к концу. Рассмотрев различные версии ученых о тайнах его происхождения и закономерностях звуковых изменений, имевших место в родственных языках, мы убедились, что марийское чодыра и коми-зырянское согра являются лексическим наследием финно-угорской языковой общности.

Критика и библиография

Петр Старостин

Т.И.Останина "Население Среднего Прикамья в III-V вв. н. э." Ижевск, 1997

Работа Т.И.Останиной посвящена интересной и важной в научном отношении теме, связанной с древней историей финно-угорского населения, проживающего на Средней Каме в III-V вв. Роль носителей мазунинской культуры в формировании финно-угров Прикамья долгое время не была выяснена в силу ряда причин. Письменных источников по рассматриваемому региону, относящихся к III-V вв. н.э., практически нет. Археологические материалы не были по-настоящему систематизированы, привлекали внимание многих исследователей. Данными памятниками занимались В.Ф.Генинг, В.Е.Стоянов, Н.А.Мажитов, С.М.Васюткин, А.К.Амброз, Г.И.Матвеева и многие другие археологи. Однако, материалы по рассматриваемому кругу памятников до последних лет не были по-настоящему проанализированы. Это приводило к острым затяжным, зачастую бесперспективным дискуссиям. Наиболее ярко это отразилось на исследовании хронологии и периодизации мазунинских древностей. Так, например, В.Ф.Генинг датировал мазунинскую культуру III-VI; III-V; III-IX вв. н.э.; Н.А.Мажитовым III-V-VIII вв.; С.М.Васюткиным — III-V-VII вв.; А.К.Амброзом — IV-VII вв. Слабая и недостаточная изученность вещевого материала приводила к тупиковой ситуации в определении территории распространения памятников мазунинской культуры. Много недостатков было в подходе исследования погребального обряда изучаемых племен.

В создавшейся ситуации Т.И.Останина поставила задачу провести заново классификацию всего имеющегося материала. При работе с разными видами материала ею применялась разнообразная методика. В изучении массового материала использовалась статистическая корреляция вещей в погребениях, коэффициенты типологического сходства для доказательства степени близости памятников и культур. При анализе погребального обряда и материалов поселений использовались методы картографирования и планиграфии. Автором учтены также результаты работ антропологов, палеоботаников и палеозоологов.

Во введении монографии верно отражен процесс изучения мазунинских древностей. Автор объективно дал оценку работам своих предшественников в изучении рассматриваемой темы.

В первой главе книги, посвященной могильникам мазунинской культуры, Т.И.Останина очень четко и верно систематизировала погребальный обряд. Автору удалось классифицировать и выявить особенности мазунинских жертвенных погребальных комплексов. Заслуживает внимания добротная классификация погребального инвентаря. Т.И.Останиной зафиксированы многие элементы техники изготовления украшений и принадлежностей костюма, особенности их ношения. Это позволило провести реконструкции древнего костюма.

Не вызывает возражений характеристика орудий труда, оружия и предметов туалета, а также глиняной посуды.

Интересна и содержательна вторая глава о поселениях мазунинской культуры. К сожалению, все исследователи изучению поселений уделяли меньше внимания, чем мазунинским могильникам, обычно содержащим яркие и броские вещевые комплексы. В работе отмечено, что к 1996 г. учтено 265 селищ и 124 мазунинских городища, что в 3,3 раза превышает число подобных памятников пьяноборской и карабызской культур вместе взятых (1, с.85). Однако, слабая изученность поселений затрудняет решение многих вопросов, связанных с хозяйственной жизнью древнего населения. Сравнительно небольшими оказались материалы по жилищам (пять жилищ на однослойных мазунинских поселениях) (1, с.227, табл. 24-25). Однако, весь имеющийся доступный материал с мазунинских поселений Т.И.Останиной проработан капитально.

В третьей главе Т.И.Останиной освещаются вопросы хронологии и датировки. Автором выделено пять хронологических групп. Каждая группа характеризуется определенными наборами вещей. Выделены также и смежные “промежуточные” типы — бытование на протяжении нескольких стадий. Зафиксированные относительные стадии позволили определить и абсолютные даты. В работах Т.И.Останиной верно указаны датирующие материалы. Рассматриваемая глава является лучшей в рецензируемой работе. Ценность ее очень велика и значима для всех, кто занимается памятниками I тыс. н.э. Восточной Европы.

Оригинальной является разработка автором демографической характеристики и структуры мазунинского общества. Исследователю удалось посчитать, что население мазунинской культуры составляло 20-30 тыс. человек.

Заслуживают внимания положения пятой главы, посвященные хозяйственной деятельности носителей мазунинской культуры. Автор, на наш взгляд, обоснованно отмечает, что ведущую роль в хозяйстве данного населения играло скотоводство (разведение крупного рогатого скота, лошадей, свиней и мелкого рогатого скота). Вторым основным по значению в хозяйстве мазунинцев было земледелие. В материалах поселений и могильников мазунинской культуры зафиксированы орудия по обработке земли, уборочные орудия (косы — горбуши и серпы) и ручные жернова. Т.И.Останиной в ряде работ подчеркивается, что в развитии производящих отраслей хозяйственной деятельности изучаемого населения большое влияние оказывали южные соседи. Выше мы уже отмечали, что в настоящее время остаются недостаточно изученными мазунинские поселения. Отсутствие поселенческих материалов не позволяет представить уровень черной металлургии и металлообработки, которые во многом определяли хозяйственную жизнь древнего населения. Это признается и автором работы. У носителей мазунинской культуры фиксируется значительный успех в развитии бронзолитейного дела, связанного в первую очередь с распространением моды на многочисленные бронзовые украшения и принадлежности костюма. Это документируется также находками тиглей на поселениях, а также слитками металла в погребениях. Аналогичная картина фиксируется и на памятниках середины I тыс. н.э. других культур Прикамья.

Заключительная шестая глава монографии посвящена проблемам происхождения, историческому месту и исторических судеб мазунинской культуры. В целом Т.И.Останиной удалось доказать, что в сложении мазунинской культуры принимали участие носители пьяноборской и карабызской культуры. Однако, на имеющихся материалах и в основном только на материалах могильников говорить трудно, какой из компонентов играл ведущую роль.

Что касается исторических судеб носителей мазунинской культуры, то автор, на наш взгляд, стоит на верных позициях. Южная группа мазунинских племен активно начала контактировать с пришлым населением, что нашло отражение в материалах Бирского и Бахмутинского могильников. Вторая, северная, группа мазунинского населения, по мнению Т.И.Останиной, частью отошла в более глухие лесные районы. Подтверждением тому являются материалы Красноярского могильника в верховьях р.Камы, а также материалы полумской культуры. На наш взгляд, какая-то часть позднемазунинского населения отошла на запад. Об этом свидетельствуют материалы могильников азелинской культуры низовий р.Камы со специфическими мазунинскими вещами. Азелинская культура — явление самое близкое мазунинской культуре, родственная ей. Материалы ее позволяют понять многие особенности мазунинских древностей.

Т.И.Останина полагает, что говорит “о продолжении мазунинских традиций на памятниках южной части современной Удмуртии, по имеющимся сейчас источникам, преждевременно” (1, с.179), хотя и признает, что эта “идея имеет право на существование, но требует накопления нового материала и убедительной аргументации (1, с.175). Памятники второй половины 1 тыс. н.э. Южной Удмуртии выделены Т.К.Ютиной в самостоятельную верхнеутчанскую культуру. Среди материалов верхнеутчанской культуры примечательна 1 группа керамики. Она является, по-видимому, результатом развития местных традиций (2, с.57). На мой взгляд, есть основания усматривать в материалах данных памятников группу керамики, имеющую сходство с посудой именьковской и мазунинской культур. Наличие разных групп керамики и “гибридных” форм является отражением компонентов, вошедших в этнос.

Несмотря на отмеченные мои замечания, монография Т.И.Останиной — вклад в науку по древней истории народов Прикамья. Она является итогом целеустремленных многолетних работ автора, проводимых на высоком методическом уровне. Научные выводы исследований Т.И.Останиной можно широко использовать в составлении учебников, научно-популярных книг, создании музейных экспозиций.

Примечания:

¹ *Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III-V вв. н.э. Ижевск, 1997.

² Ютина Т.К. Археологические памятники VI-XIV вв. Южной Удмуртии. Автореф. дис... канд. истор. наук. Ижевск, 1994.

Хроника

Сабгиева Нафиса

Смотры народного творчества финно-угров Татарстана

История распорядилась так, что народы, составляющие финно-угорскую языковую группу, оказались разбросанными на просторах необъятной России. На территории РТ их насчитывается 2,10%, в т.ч. мордва — 28859 человек компактно проживают в Алексеевском, Альметьевском, Лениногорском, Тетюшском, Черемшанском районах.

Удмурты — 24796 человек компактно проживают в Агрызском, Бавлинском, Балтасинском, Кукморском, Мамадышском, Менделеевском районах.

Мари — 19446 человек в Агрызском, Елабужском, Кукморском, Мамадышском, Менделеевском, Мензелинском, Муслумовском районах.

В процессе многовекового совместного проживания народов РТ складывались традиции взаимопонимания и уважения, и это оказало влияние на содержание и характер сегодняшних отношений, на сохранение своеобразности традиций, истоков музыкальной, праздничной культуры, обычаев каждого народа РТ.

Республиканский научно-методический центр народного творчества и культурпросветработы Министерства культуры Республики Татарстан совместно с общественными организациями, управлениями и отделами культуры РТ в соответствии с культурной политикой РТ активно способствуют возрождению во всей полноте культурного наследия финно-угорских народов.

РНМЦ ввел в традицию проведение один раз в два года Республиканских фестивалей, смотров по всем жанрам традиционного творчества этих народов.

Первый из них прошел в 1995 г. в г.Казани на сцене татарского театра им.К.-Тинчурина. I Республиканский смотр-конкурс исполнителей народной и эстрадной песни финно-угорских народов собрал 15 фольклорных коллективов из таких районов как: Менделеевский, Альметьевский, Кукморский, г.г.Н.Челны, Мензелинск, Бавлы, К.Устье, Тетюши, Мамадыш, Арск, Елабуга. Смотри выявил, что культура этих народов жива, и это ярко продемонстрировали все исполнители, в том числе народный марийский ансамбль “Кна вел” с.Починок Кучук Кукморского района. Этот ансамбль сумел покорить зрителей яркими, традиционными танцами, задорными песнями в исполнении Валентины Ихсановой. Глубинные тончайшие струны души затронул аутентичный народный фольклорный коллектив “Мордовские узоры” с.Мордва Каратай Камско-Устьинского района (уникальный народ мордва-каратай, проживающие только на территории РТ) исполнением длинных “такмаков” (частушек) на татарском языке. Динамично и профессионально показали композицию “Приезжайте в гости к нам” народный ансамбль песни и пляски “Теремшур” с.Енабердино Менделеевского района.

В 1997 г. прошел II Республиканский смотр-конкурс исполнителей народной и эстрадной песни финно-угорских народов. Старт был взят 10 сентября в Тетюшском районе, где на сцене районного Дома культуры раскрыли свои творческие возможности уже 4 мордовских фольклорных коллектива этого района:

фольклорная группа “Умарина” с.Урюм, фольклорный коллектив “Чивгане” и “Пайгане” с.Киртели, фольклорный ансамбль “Келуне” с.Кильдюшево. Было приятно, что люди ждали этого мероприятия и готовились к нему.

21 сентября эстафету принял Кукморский район, где приняли участие удмуртский фольклорный коллектив “Кинай сяська” с.Сарсак-Омгинского СДК Агрызского района, народный марийский фольклорный ансамбль д.Гришкино Мамадышского района и фольклорные коллективы Кукморского района: марийский народный фольклорный ансамбль “Кна вел” с.Починок Кучук, народный удмуртский ансамбль “Инвожо” д.Новый Каинсар, солисты с.Нырья, д.Лельвиж, д.Старая Юмья.

25 октября в г.Альметьевске прошел III отборочный тур и гала-концерт лауреатов и дипломантов II Республиканского смотра-конкурса. Ими стали Кокоркина Александра (г.Тетюши), Ихсанова Валентина — солистка ансамбля “Кна вел” (с.Починок Кучук Кукморского района), Мишкина Анна — солистка ансамбля “Эрзянка” (г.Лениногорск), Зоя Халитова — солистка ансамбля “Мари Сем” (г.Н.Челны), Кильганова Галина — солистка ансамбля “Умарина” (с.Урюм Тетюшского района). Среди фольклорных ансамблей лауреатами стали “Чивгане” (с.Киртели Тетюшского района), который покорила зрителей народной манерой исполнения, фольклорный ансамбль “Умарина” (с.Урюм Тетюшского района), ансамбль “Лесная ягода” (с.Верхний Акташ Альметьевского района), ансамбль песни и пляски “Мари Сем” (г.Н.Челны), фольклорный ансамбль с.Мордовское Афонькино Черемшанского района.

Сегодня в Республике Татарстан действуют 30 финно-угорских коллективов: 10 мордовских (2 из них имеют звание “народный”), 14 удмуртских (5 из них имеют звание “народный”), 16 марийских (8 из них имеют звание “народный”).

Финно-угорские фольклорные коллективы, ансамбли песни и танца, отдельные исполнители являются активными участниками республиканских праздников “Уйнагыз, гармуннар!”, фестивалей “Моя республика — Татарстан”, красочных праздников “Джиен народов РТ”, которые проходят на центральном стадионе г.Казани в Дни празднования суверенитета РТ, республиканских смотров фольклорных и хореографических коллективов, творческих отчетов городов и районов РТ. Финно-угорские коллективы и отдельные исполнители являются также активными участниками фестивалей, конкурсов, проводимых Министерством культуры Марий-Эл, Мордовии, Удмуртии.

В 1993 г. танцевальный коллектив Монашевского СДК Менделеевского района приняли участие в Днях марийской культуры в Йошкар-Оле.

В июне 1995 г. на проходившем в с.Грахово Удмуртии традиционном празднике “Семык” приняло участие 10 коллективов из РТ.

Осенью 1997 г. марийский ансамбль с.Починок Кучукского СДК Кукморского района принял участие в Международном фестивале финно-угорских народов в г. Таллине.

И в Татарстане умеют принимать гостей. В этом году состоялась встреча с финским ансамблем салонной музыки “Мериканто” из г. Тампера (Финляндия). Посланцев страны Суоми сердечно встретили в Кукморском районе в с.Починок Кучук.

Большое значение придается нами созданию национально-культурных центров (НКЦ), которые на данном этапе удовлетворяют культурные потребности народов, проживающих в РТ и являются многофункциональными организаторами досуга, ставящими перед собой задачи возрождения национальной культуры, языка, традиций, обычаев, ремесел своего народа. В РТ сегодня действуют 6 удмуртских, 6 марийских, 4 мордовских НКЦ.

Для культурработников финно-угорских народов РНМЦ ежегодно проводит семинары на базе Курсов повышения квалификации работников культуры МК РТ, а с 1992-97 г.г. по инициативе РНМЦ проводились семинары с выездом в г.Йошкар-Олу, Ижевск, Саранск с привлечением видных ученых, специалистов, деятелей культуры Республики Марий-Эл, Удмуртии, Мордовии.

10 декабря 1997 г. в Кукморском районе состоялась научно-практическая конференция по проблемам сохранения и развития марийского языка и культуры на территории компактного проживания мари в РТ. Организаторами этого мероприятия были Министерство культуры и по делам национальностей Марий-Эл, Министерство культуры РТ, РНМЦ. В работе конференции приняли участие ответственные работники президентского аппарата обеих республик.

Конечно, языковая группа финно-угорских народов довольно значительна: мордва, удмурты, марийцы веками живут в соседстве с татарами, русскими, чувашами. Но все же они испытывают некоторый языковой дискомфорт. К сожалению, в РТ до сих пор нет радиопередач, газет, журналов на их родном языке. Нет и специалистов, способных должным образом оценить подлинность фольклора и дать ему квалифицированную оценку. В последние годы чувствуется, что ослабла работа по повышению квалификации марийских клубных работников, мало поступает методической литературы. Нет обмена профессиональными коллективами. В республике нет финно-угорских народных театральных коллективов.

Сегодня в большинстве своем “хранителями обрядов и обычаев” являются пожилые люди. Нужна преемственность поколений, иначе грозит утеря фольклорного наследия. Конечно, проводимые нами фестивали помогают марийскому народу хотя бы тем, что коллективы существенно обогащают и пополняют свой репертуар. Хотелось бы наладить тесную взаимосвязь между учеными-этнографами и детскими фольклорными коллективами, улучшить взаимообмен методической литературой между центрами. Сейчас ведется работа по переключению договора о культурном сотрудничестве между республиками.

Задачей 1998-99 г.г. и ближайших лет в решении проблем возрождения национальных культур народов РТ является использование с большей эффективностью всего национально-культурного потенциала народов Республики Татарстан, поиск и пропаганда того, что удалось спасти и уцелело в искусстве, ремеслах, образе жилища, формах общения, проведении досуга и т.д.

Мы исходим из того, что работники культуры, обладающие соответствующей квалификацией, культурологическим мышлением способны стать катализаторами этого процесса.

Список сокращений, используемых в журнале

- АОУП** — Археологические открытия Урала и Поволжья.
АЭБ — Археология и этнография Башкирии.
АЭМК — Археология и этнография Марийского края.
ВАТ — Вопросы археологии Татарстана.
ВАУ — Вопросы археологии Урала.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
Института истории материальной культуры АН СССР.
КФАН — Казанский филиал Академии наук СССР.
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России.
МАЕСВ — Материалы по археологии европейского северо-востока.
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
СА — Советская археология.
САИ — Свод археологических источников.
СЭ — Советская этнография
Труды ИЭ — Труды института этнографии.
УЗПГУ — Ученые записки Пермского государственного университета.
ХИМ — Харьковский исторический музей.
SMYÅ — Suomen Muinonmuistoyhdistys sen Ailakuskirja.

Сведения об авторах

Аксенов Виктор Степанович — зав.отделом археологии Харьковского исторического музея.

Эрдели Иштван — профессор Университета Реформации Кароля Гашпара (г.Будапешт, Венгрия), доктор исторических наук.

Руденко Константин Александрович — научный сотрудник Государственного объединенного музея Республики Татарстан, кандидат исторических наук.

Кызласов Леонид Романович — профессор Московского университета, доктор исторических наук, лауреат Государственной премии СССР.

Шумилов Евгений Федорович — старший научный сотрудник Института истории и культуры народов Приуралья (Удмуртский государственный университет), доктор исторических наук, кандидат искусствоведения.

Сануков Ксенофонт Никанорович — зав.кафедрой региональной истории Марийского Государственного университета, профессор, доктор исторических наук, главный редактор журнала “Финно-угроведение”.

Куклин Анатолий Николаевич — старший научный сотрудник Марийского государственного педагогического института им.Н.К.Крупской, доцент, кандидат филологических наук.

Старостин Петр Николаевич — зав.Национальным центром археологических исследований Института истории Академии наук Республики Татарстан, кандидат исторических наук, лауреат Государственной премии Республики Татарстан.

Сабгиева Нафиса Асбатовна — сотрудник Республиканского научно-методического центра народного творчества и культпросветработы Министерства культуры Республики Татарстан.

Уважаемые коллеги!

Институт истории Академии наук Республики Татарстан с 1997 года выпускает научный журнал “Finno-Ugrica”. Периодичность издания 4 номера в год, объем — от 4 до 6 печатных листов.

В журнале публикуются материалы по проблемам истории, археологии, этнографии, языкознания и искусства финно-угорских народов.

Приоритетными для издания являются такие слабо изученные направления, как взаимодействие финно-угров с тюркскими, славянскими и другими народами в древности и на современном этапе; контакты финно-угров России с зарубежными странами, национально-государственное развитие финно-угорских народов, закономерности развития культуры финно-угорских народов Урало-Поволжья, футурологические проблемы финно-угров.

Приглашаем Вас принять участие в журнале “Finno-Ugrica”. Желательный объем статьи — до одного печатного листа (при большем объеме работа будет публиковаться в нескольких номерах). Текст может быть отпечатан на машинке через два интервала, либо набран на компьютере. В последнем случае необходимо кроме распечатки выслать и дискетку. Иллюстрации должны быть пронумерованы и снабжены пояснительными текстами.

В журнале статьи и заметки будут сопровождаться резюме на английском языке. Желательно, чтобы текст резюме носил авторский характер.

Dear Colleague,

In July 1997 The Institute of History of Academy of Sciences of the Republic Tatarstan began to issue the new scientific journal «Finno-Ugrica». This new journal will be published quarterly, with an average of 80—120 pages per issue. «Finno-Ugrica» is dedicated to the study of the history, archaeology, ethnography, linguistics, and art of Finno-Ugrian peoples. Some of the main subjects addressed in this journal include the following important but little-known subjects:

- interaction of Finno-Ugrians with the Turkish, Slavic, and other ethnic groups and nations both in the ancient, medieval, and modern times;
- contacts of Finno-Ugrian peoples in Russia with the groups outside Russia;
- state and national developments among the Finno-Ugrian nations;
- the developments of major cultural trends among the Finno-Ugrian peoples in the Volga-Ural region; and
- the future of the Finno-Ugrian peoples and nations.

We welcome interested scholars to contribute their articles to «Finno-Ugrica». The preferred length for submissions is 20—25 double-spaced pages. Longer manuscripts will also be accepted and published in several consecutive volumes of the journal. When using a PC for word processing, please enclose a diskette along with a double-spaced hardcopy of the article. Authors should use one of the following word processing formats: text MS-DOS (*.txt) or Word for Windows document (*.doc). All figures in the article should be consecutively numbered and provided with a list of the illustrations. Articles will be accepted and published in English and Russian. Every manuscripts should have a short English summary prepared by the author.

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории

Шеф-редактор — **Рафаэль Хакимов**

Редактор — **Евгений Казаков**

Редакционная коллегия:

Леонид Арсланов

(Елабужский педагогический институт, Россия)

Иван Васильев

(Министр экономики Республики Марий Эл, Россия)

Римма Голдина

(Удмуртский государственный университет, Россия)

Поль Грандволь

(Межуниверситетский центр венгерских исследований, Франция)

Маргарита Иванова

(Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН)

Христиан Каппелан

(Хельсинкский государственный университет, Финляндия)

Сергей Кузьминых

(Институт археологии РАН)

Велла Лыугас

(Институт истории АН Эстонии)

Николай Мокшин

(НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ Мордовии)

Татьяна Никитина

(Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им.В.Н.Васильева)

Томас Нунен

(Миннесотский университет, США)

Элеонора Савельева

(Институт языка, литературы и истории Коми филиала РАН)

Ксенофонт Сануков

(Марийский государственный университет, Россия)

Петр Старостин

(Институт истории АН РТ)

Иштван Фодор

(Венгерский национальный музей, Венгрия)

✉ Адрес: 420095, г. Казань, ул. Кремлевская, 9.

Институт истории АНТ. Редакция ж. “ПАНОРАМА-ФОРУМ”.

☎ Телефон/факс: (8432) 32-02-64; 38-43-45. ✉ E-mail: history@vega.ksu.ras.ru

Дизайн обложки — Миляуши Хасановой. Оригинал-макет — Дины Сахабутдиновой.

“Finno-Ugrica” издается в качестве приложения к журналу “ПАНОРАМА-ФОРУМ”, зарегистрированному Министерством информации и печати Республики Татарстан (№440).

Подписано к печати

г. Объем 5 п.л. Тираж 1000 экз. Цена свободная.

Мнения авторов статей могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Выписывайте журнал “Финно-угроведение”

С 1994 г. в г.Йошкар-Оле издается журнал “Финно-угроведение”. В нем публикуются материалы по языку, истории, культуре финно-угорских народов. Журнал полезен не только для специалистов, но и широкого круга читателей (работников культуры, учителей, краеведов, студентов). Познавая свои родственные корни, прошлое, богатство языков, устного народного творчества, разнообразие красок этнических культур, мы черпаем силы для духовного возрождения.

Адрес редакции: 424036, г.Йошкар-Ола, ул.Красноармейская 44.
Тел.: 5-37-34

ФИННО- УГРОВЕДЕНИЕ

1. 1994

